

БЕСКОНЕЧНАЯ СТРАНА
Фантазеры будущего

• АЛЕКСЕЙ ЕВТУШЕНКО •

Алексей Евтушенко
Бесконечная страна

«Автор»

2020

Евтушенко А. А.

Бесконечная страна / А. А. Евтушенко — «Автор», 2020

Для того чтобы попасть в Бесконечную страну, где хозяйка сама Смерть, Саньке Гринёву пришлось встретиться с ней и завоевать её расположение. Но этого оказалось мало. И только от Санькиного упорства, смелости и любви теперь зависит жизнь его мамы, висящая на волоске.

© Евтушенко А. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	23
Глава четвертая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Алексей Евтушенко

Бесконечная страна

– Я его забрать не могу, – сказала Смерть.

И вздохнула – уже девчонкой.

А я его на свете оставить не могу, – сказала Жизнь. —

Придется ему теперь спать на невидимом острове до тревожного часа...

Михаил Успенский «Кого за смертью посылать».

Моему сыну, без которого эта книга была бы другой

Глава первая

Незнакомка с прозрачными глазами

Больше всего на свете Санька не любил Пушкина и католическое Рождество. Ещё супрассоложник, но это не считается, потому что еда.

То есть, Рождество по григорианскому календарю, конечно же, так как все образованные люди знают, что называть двадцать пятое декабря «католическим Рождеством» – неправильно. Хотя бы потому, что в этот день празднуют Рождество Христово не только католики и лютеране, но даже и православные японцы. Не считая кучи других христианских Церквей. Не то чтобы Санька так уж стремился разбираться в календарных вопросах, но жизнь заставила. Поэтому однажды, когда в очередной раз очередной взрослый, узнав дату Санькиного дня рождения, сделал лицо и воскликнул значительно: «О! На католическое Рождество!», Санька ушел в свою комнату, открыл Википедию и прочёл все, что там было написано про двадцать пятое декабря.

А потом нашёл сотню-другую килобайт дополнительной информации и тоже прочёл.

И с тех пор, когда кто-нибудь из новых знакомых взрослых (старые давно были научены) заводил речь о «католическом Рождестве», Санька вежливо, нудно и подробно принимался втолковывать, почему называть так двадцать пятое декабря, по меньшей мере, неграмотно. Обычно действовало безотказно.

Пушкина Санька не любил, можно сказать, по той же самой причине. Из-за его повести «Капитанская дочка». Точнее, из-за главного героя этой повести по имени Пётр Андреевич Гринёв. Потому что полное имя Саньки, записанное в свидетельство о рождении, было Александр, отца его звали Андреем, а фамилия их была Гринёвы.

Папа Андрей Гринёв, мама Ольга Гринёва. И он, Санька, Александр Гринёв. Александр Андреевич.

И те же самые взрослые (в отличие от детей, все взрослые одинаковы за редчайшим исключением, в этом Санька был абсолютно убеждён), узнав его отчество и фамилию, просто-таки считали своим долгом упомянуть Пушкина, «Капитанскую дочку» и Петра Андреевича Гринёва. Как бы намекая. То ли на свою образованность, то ли еще на что-то, понятное только им – Санька не знал. Часто – и это было почему-то особенно противно – упоминался также и тот факт, что Санька и Пушкин были тёзками. Но тут уже обычно вступалась мама, которая тоже не любила столь бестолковых (мама называла их «пошлыми») сравнений, и незадачливый взрослый (чаще всего это были мужчины) быстро шёл на попятный. Сначала в переносном, а затем и в прямом смысле слова.

Тут нужно кое-что пояснить.

Настоящая большая беда была в том, что Санькин папа год и семь месяцев назад погиб. Он работал инженером-строителем, часто ездил в командировки, в том числе и за границу. Вот там, за границей, в далёкой жаркой восточной стране, на строительстве атомной электростанции Санькин папа и погиб. Нечастный случай. Но от этого ни Саньке, ни его маме было ничуть не легче. Более того, Санька пребывал в абсолютной уверенности, что, останься папа жив, мама бы не заболела. Уж очень она переживала эту смерть. А когда человек сильно переживает, его организм ослабляется и становится подвержен всяким болезням. Где-то Санька читал об этом, и по логике выходило, что так и есть.

Санька тоже переживал. Но его организм совсем молодой, здоровый и, наверное, лучше умеет сопротивляться разным невзгодам. К тому же, Санька мужчина. Ладно, будущий мужчина, но всё-таки.

А когда мама была еще здорова, сразу после смерти папы и позже, до того, как ей пришлось надолго лечь в больницу, вокруг неё непрерывно кружили взрослые дяди. И почти все стремились познакомиться с Санькой и произвести на него хорошее впечатление.

Санька отлично понимал этот интерес. Его мама была очень красивая, веселая, умная и готовила борщ, окрошку, гуляш и даже манную кашу так, что ложку можно проглотить. Плюс большая четырёхкомнатная квартира, шикарная дача и совсем новая дорогая машина, которую папа купил незадолго до смерти.

Кто же в здравом уме откажется от возможности взять такую маму в жёны? Вот и не отказывались.

Отказывала мама.

Как только старый или новый знакомый мужского пола начинал проявлять к маме настойчивый матримониальный (это слово, означающее «имеющий отношение к супружеству, браку») Санька выучил примерно с четвёртого раза) интерес, она сразу это чувствовала и давала очередному соискателю от ворот поворот.

– Но ведь тебе, наверное, нужен муж? – спросил как-то Санька, скрепя сердце. Спросил, потому что не мог не спросить.

– У меня уже был муж, – ответила мама. – Твой папа. И другого не нужно. К тому же у меня есть ты.

После чего обняла Саньку и долго не отпускала.

Так что с Пушкиным и «католическим Рождеством» у Саньки были весьма напряжённые отношения. Хотя сказку «Руслан и Людмила» он любил.

И ещё стихотворение «Гусар».

Сказку, когда Санька был маленький и не очень умел читать самостоятельно, ему читал прадедушка – дедушка мамы. Санька тогда гостил у него, бабушки и дедушки, и прадедушка с радостью взял на себя основную заботу по общению с правнуком. А куда деваться, если его дочь и зять (Санькины бабушка и дедушка) были заняты с утра до вечера на работе и по дому?

Прадедушку звали Алексей Иванович. Санька по нему скучал, и бабушка Аня, которая сейчас приехала и жила вместе с Санькой, обещала, что они обязательно поедут его навестить.

– Скоро? – спрашивал Санька?

– Скоро, внучек, скоро, – отвечала бабушка. – Когда мама выздоровеет, и всё это закончится.

И отводила глаза.

А стихотворение «Гусар» Санька прочитал сам. Взял с книжной полки том Пушкина, нашёл и прочитал. После того, как узнал от мамы, что это стихотворение очень любил папа. Стихотворение ему понравилось (особенно место про кота и склянку с зельем). Но дальше читать Пушкина Санька не стал. Не захотел. Возможно, потому, что как раз примерно в это время очередной мамин ухажёр упомянул ни к месту «Капитанскую дочку» вместе с её главным героем. А потом уже стало не до Пушкина – маму положили в больницу.

На часах было девять часов и десять минут утра, когда Санька вышел из дома. В городе царил август. Кое-где в пыльной зелени клёнов и лип мелькали едва заметные желтые пятна, но до осени было ещё далеко – целых двадцать нескончаемых дней.

Кто не любит лето? Любил и Санька. За свободу, тепло, солнце, море, речку и грибной лес. За футбол и рыбалку. За время, которого всегда много, и его можно тратить, как и на что хочешь.

Нет, другие времена года Санька тоже любил и каждое по-своему, но лету не было конкурентов.

И только это лето любить было совершенно не за что.

Из двора Санькиного дома вело три выхода-входа. Один – прямо, к школе. Второй – направо, в конец дома и затем на улицу под названием Офицерский проезд. И третий, в виде арки, – на улицу Краснозвёздную. Там располагалась остановка трамвая № 11, который подвозил к самой больнице, и куда Саньке и было надо. Поэтому он пошёл налево. Пересёк двор с неподвижными качелями и пустой в этот утренний час песочницей, нырнул под арку. И тут же увидел картину: прижатый к стене мальчишка-очкарик из второго подъезда, недавно семья переехала, в начале лета, и нависшая над ним местная гопота по кличке Три Д – Димон, четырнадцать лет, главарь, Давид и Джамиль. Все старше Саньки почти на год. Очкарику же лет десять-одиннадцать, не больше.

Ситуация, понятная без слов. Мама, видать, послала очкарика в магазин (папы у него нет, есть младшая сестрёнка) – вон пакет с продуктами в руке. А эти подстерегли и теперь трясут из пацана мелочь. Не в первый раз трясут, видел Санька уже такое. А тот, конечно, отдаёт – куда деваться? Он один, их трое. Он новенький, они здесь родились и выросли. Он маленький, они большие. И наглые. Посочувствовать можно. Помочь... Как? Только вписаться, взять на себя защиту. Но это значит, сделать Три Д своими врагами. А у него с ними давний и прочный нейтралитет. Они его не трогают – он их. Два года назад при попытке наезда Санька очень удачно попал Димону кулаком в горло. Тот захрипел и осел на асфальт. Верные же клеветы и приспешники Джамиль с Давидом, потеряв главаря, то ли растерялись, то ли испугались, то ли и то, и другое вместе, и Санька покинул поле боя победителем. После этого его не трогали, но и Санька в дела Три Д не лез – чувствовал, что в серьёзном конфликте он может и проиграть. И тогда прощай завоёванный нейтралитет и свобода – зажмут намертво.

Опять же, не до этого сейчас. Совсем не до этого. Так что, извини, пацан, но это твои проблемы. Решай их сам.

Стараясь держаться как можно независимее, Санька прошёл мимо, бросив сквозь зубы:

– Привет.

– Привет, Санёк, – ответили ему вежливо.

Мальчишка-очкарик промолчал и только проводил Саньку затравленным взглядом.

Надо бы узнать, как его зовут, подумал Санька. Как-никак в одном доме живём, да и в школу он через неделю нашу пойдёт, наверняка.

И тут же понял, что не хочет этого. Если знаешь имя, то вроде как знаешь и человека. И уже не можешь относиться к нему с прежним безразличием. Точнее, успешно делать вид, что он тебе полностью безразличен.

От осознания всего этого настроение не улучшилось, и к остановке Санька подошёл с хмурым облаком на сердце.

Здесь дожидались трамвая несколько женщин неопределенного возраста – уже не молодых, но ещё и не совсем старых. Папа когда-то называл таких «пионерками-пензионерками». Однако вслед за папой повторить это выражение Санька не решался даже про себя. То, что было можно папе, ему не подходило. Пока.

– Саша, – сладко-певучим голосом произнесла одна из них. – Здравствуй, Сашенька.

– Здравствуйте, – сдержанно кивнул Санька. Он уже догадался, что будет дальше и постарался мысленно окружить себя невидимым защитным коконом, как учила его когда-то мама. Эта тестообразная и круглолицая, с волосами, похожими на грязноватую солому, соседка, вечно была в курсе всех дел их многоквартирного дома и очень любила делиться своей осведомлённостью с окружающими. Не важно, знакомыми или нет. Лишь бы окружали. Звали её Галина, а отчество Санька забыл. Специально, чтобы не называть при встрече.

Так и есть. Начинается.

– Хороший мальчик, – сообщила Галина окружающим. – В нашем доме живёт. Навещает маму каждый день. У него мама в пятой больнице лежит, бедняжка. Как мама, Сашенька? – соседка участливо блеснула голубоватыми, заплывшими жиром, глазками.

Санька промолчал и посмотрел туда, где трамвайные рельсы делали поворот, исчезая за деревьями сквера. Где же этот одиннадцатый...

– Ты меня слышишь? – не отставала соседка. – Как Оленька себя чувствует? Невежливо молчать, когда с тобой взрослые разговаривают.

– Невежливо разговаривать, когда лучше молчать, – отчётливо произнёс Санька. Ему вдруг смертельно надоело подчиняться дурацким и несправедливым правилам, которые сплошь и рядом устанавливали взрослые и сами же их постоянно нарушали. Какого чёрта, в конце концов? Почему он прилюдно должен отчитываться о мамином здоровье человеку, который ему малознаком и совсем не по душе? Пусть и взрослому.

– Ты смотри! – всплеснула руками соседка. – Только я его хорошим назвала и – на тебе. Грубит! Не стыдно? Вот я расскажу твоей бабушке, как ты со взрослыми разговариваешь. Папы у него нет, – опять сообщила она окружающим. – Погиб в прошлом году. А теперь и мама заболела. С бабушкой живёт. Вот и отбился от рук.

Мысленный защитный кокон помогало плохо. Санька скрипнул зубами. Принесла же сюда нелёгкая эту Галину. И по закону подлости как раз в тот момент, когда ему тоже нужно ехать.

Из-за поворота показался трамвай. Одиннадцатый, увидел Санька. Наконец-то.

В вагоне он сразу же прошёл в самый конец, чтобы оказаться подальше от бесцеремонной соседки, нашёл свободное место у окна, сел и уткнулся носом в стекло. Можно было поиграть в стрелялку на телефоне или послушать музыку, но не хотелось. Хотелось просто доехать до больницы и поскорее увидеть маму.

Трамвай плавно тронулся. Это был трамвай нового поколения – стремительных очертаний, с низкой посадкой, и почти бесшумным ходом. Если бы не путь, который Санька на нём ежедневно совершал, кататься было бы одно удовольствие.

Ладно, всё равно хорошо, подумал Санька. Он двадцать минут едет, а старый плётся то же расстояние полчаса минимум. Дребезжа, скрипя и раскачиваясь. Хотя, если подумать, в старом тоже что-то было – тёплое и неповторимое. Душа, наверное. Говорят, что душа только у людей бывает. Даже у животных её нет, не спрашиваем уж про растения. Но иногда кажется, что нечто похожее на душу есть и у вещей. Особенно, у старых, хорошо послуживших человеку. Или это просто что-то вроде невидимого отпечатка, который люди накладывают на всё, с чем соприкасаются?

Раньше подобные мысли не приходили ему в голову, и Санька даже оторвался от окна и машинально посмотрел по сторонам, словно проверяя, откуда они могли появиться.

И тут же увидел эту женщину.

Она стояла в проходе напротив Саньки и смотрела куда-то поверх его головы. Лет семидесяти на вид или чуть больше. Высокая и прямая, как штанга футбольных ворот, и худая, словно скелет на диете, она была одета в длинное, почти до пола, платье ярко-красного цвета. На шее – газовый жёлтый шарф. На голове – широкополая белая шляпа с чёрной лентой на тулье. Белые же, до локтя, перчатки на руках. Маленькая чёрная блестящая сумочка через плечо и ярко накрашенные, под цвет платья, губы. Лицо изборождено морщинами вдоль и

поперёк, но при этом не кажется таким уж старым. Вероятно из-за глаз. Больших, чуть раско- сых и очень необычного цвета. Словно вода Байкала летним погожим днём. Прозрачная на сорок метров вглубь. Два года назад родители брали Саньку с собой на Байкал, и это было в последний раз, когда они куда-то ездили вместе. Байкал Саньку поразил, очаровал, потряс. Он сразу поверил, что это зародыш будущего океана, как только услышал ревущий прибой, слышимый за полкилометра...

Когда она вошла? Санька не заметил. Видно, и впрямь крепко задумался.

Рядом с Санькой плотно устроился на сиденье какой-то парень лет двадцати и увлечённо втыкал на смартфоне в игрушку.

– Садитесь, пожалуйста, – Санька поднялся.

Женщина перевела на него свои прозрачные глаза, и Саньке внезапно стало зябко. Словно в бабушкин погреб спустился за квасом из жаркого летнего дня.

– Спасибо, мальчик, – улыбнулась красно-чёрно-бело-жёлтая незнакомка. – Мне сейчас выходить. Но всё равно спасибо, – повторила она. – Редко встретишь в наше время таких, как ты.

Парень рядом оторвался от игрушки и недоумённо завертел головой.

– С кем это ты разговариваешь? – спросил он.

– Что? – не понял Санька.

– Я спрашиваю, кому ты предложил садиться? Никого же нет.

– Остановка «Больница номер пять!» – прозвучало в динамиках, и трамвай плавно затормозил.

– Ох, чуть не проехал...

Парень развернулся боком. Санька выскочил в проход и оттуда, через ближайšie двери, – на тротуар. Двери закрылись, трамвай тронулся.

Санька огляделся.

Красно-чёрно-жёлто-белой незнакомки видно не было.

Странно, куда она делась? Допустим, сошла раньше Саньки, пока он на соседа отвлёкся. И – что? Куда потом? Успела перебежать дорогу и скрылась в подземном переходе? Быстро, однако, перебежала, не всякая молодая так бы смогла...

Впрочем, мысли о сверхшустрой пожилой женщине со странным прозрачным взглядом, быстро вытеснили другие – привычные и невесёлые.

Санька перешёл дорогу на зелёный свет и через открытые ворота направился к главному входу в больницу. Палата, где лежала мама, находилась на третьем этаже. Лестница, коридор, ещё один коридор. Двери, двери, двери. Закрытые и открытые. На закрытых – таблички с надписями: Ординаторская, Процедурная, Хозблок, Главврач. За открытыми, ведущими в палаты, видны кровати. Одни пустые, на других лежат больные в халатах. И – запах, который ни с чем не спутаешь. Лекарств, дезинфекции, болезни, отчаяния и надежды.

Вот и пост дежурной медсестры напротив реанимационной палаты.

Раньше ему всякий раз приходилось просить разрешения, чтобы сюда войти, но теперь, после разговора бабушки с главврачом отделения, он ходит к маме свободно.

Утром, потому что все важные дела нужно делать с утра. Так его всегда учил папа. И мама с папой была согласна. Когда Санька был маленьким, он очень не любил рано ложиться и рано вставать (особенно зимой в школу, когда за окном ещё темно). Но сейчас он вырос, через четыре месяца ему исполняется тринадцать, и в семье он остался единственным мужчиной. В их с мамой семье, понятно. Потому что бабушка с дедушкой и прадедушка – это хоть и близкая, ближе некуда, родня, но семья уже другая. Просто по факту.

Поэтому маму навещать – с самого утра. Ибо важнее дела у него сейчас нет и быть не может.

Медсестра, услышав его шаги, подняла голову.

Маша, узнал Санька. Все правильно. Если вчера была Катя, то сегодня Маша, она Катю в девять утра сменила.

Он уже знал наизусть их график дежурств, не говоря уже об именах.

– Доброе утро, Маша, – поздоровался он.

– Доброе утро, – улыбнулась Маша. Улыбка у неё была хорошая, светлая, от неё на Машиных щеках появлялись две маленькие круглые аккуратные ямочки. Катя Саньке тоже нравилась, но улыбалась она редко и скупно, так что Санька даже прозвал её про себя Царевной Несмеяной.

– Можно войти?

Он всегда спрашивал разрешения, хотя знал, что ему можно.

– Конечно.

– Всё, как всегда? Изменений нет?

И эти вопросы он задавал всегда. Хотя знал, – случись изменения, ему бы уже сказали. Если не врачи и медсёстры, то бабушка.

Маша покачала головой. Улыбка её погасла.

Санька неслышно вздохнул, отворил двери и вошёл в палату.

Мама лежала на кровати, подключённая к разнообразной медицинской аппаратуре. Её глаза были закрыты, и казалось, что она спит. Но Санька знал, что это был не сон, а кома. Слишком хорошо знал. Также он знал, что шансов на выход мамы из комы мало.

Врачи, конечно, ничего такого не говорили. Наоборот. С нарочито уверенными улыбками на лицах и бодрыми голосами они рассказывали, что всё будет хорошо, и надежды терять ни в коем случае не следует. Сами не замечая, что выражения «всё будет хорошо» и «не будем терять надежды» не слишком сочетаются друг с другом.

Поэтому Санька прошерстил весь интернет в поисках этой самой надежды. Включая профессиональные медицинские сайты и форумы. В том числе и англоязычные. Это была тяжёлая работа, от обилия непонятных латинских терминов иногда начинала болеть и отказывалась соображать голова, но он упорно продирался вперёд.

Результат его не утешил.

Когда пришло известие о гибели папы, Санька молился, чтобы случилось чудо, ошибка, и папа на самом деле оказался жив. Не случилось. Так с какой стати, ему надеяться на чудо сейчас?

Он подошёл к кровати и сел на стул рядом. Дотронулся до маминой руки, лежащей поверх одеяла. Рука была тёплой, гладкой, живой. Санька подумал, что отдал бы всё на свете, чтобы эта рука сейчас поднялась и погладила его по голове. И чтобы мама открыла глаза и улыбнулась. И сказала бы: «Доброе утро, сынок. Ты уже встал? Сейчас будем завтракать».

Санька зажмурил глаза.

Всё-всё на свете. И сделал бы, что угодно.

Открыл глаза, посмотрел. Ничего не изменилось. Всё так же попискивала и моргала разноцветными светодиодами медицинская аппаратура. Всё так же неподвижно, с закрытыми глазами, лежала мама. Она сильно осунулась и побледнела, тёмно-синие, почти чёрные, глубокие тени под её глазами очень не нравились Саньке (каждый раз он всматривался в них, надеясь, что они хотя бы чуть-чуть рассосались, побледнели, и каждый раз был вынужден признаться самому себе, что ничего такого не произошло).

Подступили слёзы. Санька знал, – если тихонько поплакать, станет легче. Никто его не увидит. Даже мама. Но – нет, нельзя. Мужчины не плачут, мужчины действуют. Так всегда говорил папа.

Но что он, Санька, может сделать? Ничего, если не мечтать, а быть честным с самим собой. Ни-че-го. Он не волшебник и не гениальный ученый, который прямо вот сейчас может

взять и создать лекарство от маминой болезни. Он всего лишь мальчик, который старается быть мужчиной. Но получается не очень.

Слёзы сами собой покатались из Санькиных глаз, капнули на мамину руку. Санька прерывисто вздохнул, достал из заднего кармана джинсов чистый платок, который ему туда неизменно клала бабушка, вытер щёки, мамину руку, глаза. Подышал носом, стараясь успокоиться. Потом поднялся и подошёл к окну, чтобы отвлечься. Отодвинул штору, упёрся лбом в стекло, посмотрел вниз.

Отсюда, с третьего этажа, хорошо был виден больничный парк внизу. Небольшой, красивый и аккуратный. С асфальтированными дорожками, удобными скамейками, садовыми скульптурами в виде фантастических животных, разнообразными клумбами и даже двумя работающими фонтанами.

Вот на одной из скамеек, хорошо заметной из окна, Санька её и увидел.

Красно-жёлто-черно-белую женщину из трамвая. Санька сразу понял, что это она. Алое длинное платье, белая широкополая шляпа с чёрной лентой на тулье, белые же перчатки до локтя, и жёлтый легкий шарфик на шее. Интересно, что она делает на скамейке. Ждёт кого-то? Кого? Или чего?

Женщина подняла голову. Санька никак не мог разглядеть её лица, но ему показалось, что странные прозрачные, словно байкальская вода летним днём, глаза незнакомки фантастическим образом приблизились чуть ли не вплотную и заглянули прямо в душу.

«Выходи», – послышалось ему.

Санька обернулся. Никого. То есть, никого, кроме мамы. Но она всё так же лежит на кровати с закрытыми глазами.

«Выходи, побеседуем».

Он посмотрел вниз, на скамейку. Точнее, на женщину, сидящую там.

«Да, это я, ты правильно догадался».

Незнакомка приподняла руку в белоснежной перчатке до локтя и сделала приглашающий жест. Иди, мол, сюда.

Чудеса, подумал Санька. Разве так бывает? Третий этаж. И вообще.

Но любопытство – этот извечный двигатель авантюристов, кошек, женщин, ворон и мальчишек, уже завладело им. Он вернулся к кровати, поправил одеяло, которое вовсе не требовалось поправлять.

– Я скоро вернусь, мам, – сказал негромко. – Только узнаю, в чём дело. Вернусь и ещё посижу с тобой, ладно?

Мама не отвечала.

Санька украдкой погладил её по руке. Подумал, наклонился, коснулся губами прохладного лба и вышел из палаты.

– Уже всё? – спросила Маша. – Быстро ты сегодня.

– Я ещё вернусь, – сказал он. – нужно... В общем, вернусь.

Мне тут...

– Хорошо, – улыбнулась Маша. – Как скажешь, странник.

– Почему странник? – удивился Санька.

– Не обращай внимания. Это я сейчас одну книжку читаю, и мне показалось, что ты чем-то похож на героя из неё.

Санька хотел спросить, что за книжка, но для этого нужно было задержаться. Потом спрощу, решил он и поспешил к лестнице.

Незнакомка никуда не делась. Так и сидела на скамейке, сложив руки на коленях и наблюдая за журчанием воды в фонтане напротив. Санька, подошёл, остановился рядом, чувствуя себя неловко до крайней степени. Что, если ему всё показалось? Но тут прозрачные глаза обратились на Саньку, и рука в белой перчатке хлопнула по скамейке.

– Садись, – произнесла женщина. Голос у неё был низкий и какой-то скрипучий. – Тебя ведь Санькой зовут? Александром?

– Да, – Санька секунду поколебался, но затем всё же уселся рядом. Не съест же она его, в самом деле. – А откуда вы знаете? – он ещё секунду подумал и на всякий случай добавил. – Здравствуйте!

Смех незнакомки напомнил Саньке звуки, которые время от времени издавала его водяная красноухая черепаха по имени Мартышка. Нечто среднее между кряканьем, кваканьем и карканьем.

– Почему вы смеётесь? – спросил он.

– Не обращай внимания. Просто мне так редко желают здоровья, что я почти забыла, когда это было последний раз. Кто-то из философов, кажется, – она пожевала губами, вспоминая. – Декарт? Да, он. Рене. Незаурядная была личность.

Санька слышал о Декарте. Французский мыслитель, живший... Давно живший. То ли двести, то ли триста, то ли больше лет назад. Но как же тогда она могла с ним встречаться? Понятно. Пожилой человек, голова уже не та, что в молодости. Даже определение есть специальное для этого. Старческая деменция, вспомнил он. Прадедушка Алексей Иванович часто его употреблял. В том смысле, что не дождётесь.

На всякий случай Санька отодвинулся подальше и огляделся. Ладно, если что, больница рядом. Можно будет и врачей позвать.

– Врачи не помогут, – сообщила женщина.

– Кому? – спросил он машинально.

– Никому. Ни мне, ни, тем более, твоей маме. Мне, потому что я не нуждаюсь в их помощи.

А маме твоей... Не помогут, в общем. Уж извини за откровенность, но врать я не умею.

Встать и уйти, подумал Санька. Прямо сейчас. Иначе можно сорваться и наговорить этой противной старухе такого, о чём сам потом пожалеешь.

Но он не ушёл. Два обстоятельства удержали его. Одно за другим. Первое – старуха на самом деле вовсе не казалась ему противной. Даже не смотря на слова, ею произнесённые. И на то, что он сам мысленно назвал её таковой. Вот не казалась – и всё. Странной, неудобной, колючей – да. Но не противной. И второе, которое он отметил сразу же после первого, и оно-то буквально приковало его к скамейке.

Августовское утреннее солнце взошло над деревьями парка и светило точно им в спины так, что Санька прекрасно видел на асфальтированной дорожке и тень от скамейки, и свою собственную. Но только их.

Незнакомка не отбрасывала тени!

Санька на секунду зажмурился и посмотрел снова. Так и есть. Вот тень от скамейки, вот его – часть головы над спинкой и ноги. А тени незнакомки нет. Как будто сидит он один. Но он не один. Рядом с ним на скамейке – пожилая высокая худая женщина с прозрачными глазами.

– Я не галлюцинация, – сказала она. – И не призрак. И бояться меня не надо. Точнее, надо, но не тебе.

– Что вы... Что вы имеете в виду? – выдавил он. Вот теперь ему и впрямь захотелось встать и уйти. Нет, не уйти. Умчаться, рвануть отсюда со всех ног. Так, чтобы ветер в ушах засвистел, и подошвы кроссовок задымились. Но Санька остался. Собрал все силы, стиснул зубы и остался.

– Твою маму зовут Ольгой? – спросила она.

– Да. А вас? И... откуда вы знаете наши с мамой имена?

– Я много чего знаю, – вздохнула она. – Иногда даже хотелось бы поменьше. Что ж до моего имени... Можешь звать меня Мариной. Мариной Шахатовной, – она задумалась, едва заметно кивнула головой своим мыслям. – Да, Марина Шахатова. Это ближе всего.

Санька хотел спросить, ближе к чему, но благоразумно промолчал.

– Ты уникальный мальчик, – продолжила Марина Шахатовна. – Понимаешь, что это значит это слово?

– Понимаю, – кивнул Санька и добавил, где-то услышанное взрослое. – Но вы мне льстите. Мальчик, как мальчик. Обычный.

– Не имею такой привычки, – сухо сообщила она. – А ты постарайся не приобретать привычку выражаться чужими словами. Говори свои. Но это так, к делу не относится. Ты уникальный уже потому, что видишь меня и можешь со мной разговаривать. Поверь, очень и очень немногие люди способны на это. Точнее, видят-то меня рано или поздно многие, но только в определённое, точно определённое время. Ты же просто так увидел. Походя. Это большая редкость, можешь мне поверить.

Так вот, кто это, догадался Санька и похолодел. Натурально. Руки и ноги словно погрузили в лёд, хотя он и сидел на солнце.

Но ведь так не бывает, сказал он себе, она не существует, это сказки, страшные сказки для детей и взрослых. Не бывает, да. Но вот она, перед тобой.

Смерть.

Сидит рядом и не отбрасывает тени. Костлявая старуха в алом платье и с прозрачными, как чистая холодная озёрная вода, глазами. Хотя и без косы.

– Не бойся, – повторила она и через короткую паузу добавила. – Я не за тобой.

– А... за кем? – спросил он и тут же догадался сам, за кем.

Куснул до боли нижнюю губу. Захотелось во всё горло заорать, кинуться с кулаками, потребовать немедленно убраться туда, откуда она пришла. И одновременно упасть на колени и умолять не забирать маму.

Он не сделал ни того, ни другого. Сидел, вцепившись руками в скамейку и не видя перед собой ничего.

– Извини, – сказала та, кто называла себя Мариной Шахатовной. – Я не виновата.

И тут Санька разозлился. Не виновата, значит, да? А кто же тогда виноват, спрашивается? Сначала папу забрала, теперь за мамой явилась. Извиняется ещё.

Но ничего этого Санька не сказал, конечно. Не потому, что испугался или был слишком хорошо воспитан. Просто посчитал ниже своего достоинства.

– Хорошо, – произнёс он так спокойно, как только сумел. Спокойно и холодно. – Зачем тогда вы меня позвали? Скучно стало, решили поговорить с редким человеком, кто вас видит?

– И это тоже, – кивнула она. – Но главным образом для того, чтобы сообщить тебе, что есть варианты. Мне показалось, это для тебя важно. К тому же, ты хотел уступить мне место в трамвае. Я ценю вежливость и хорошее воспитание и никогда не остаюсь в долгу. Поэтому – любезность за любезность.

– Варианты спасти маму? – догадался он, не веря до конца тому, что слышит.

Она помедлила и кивнула. Едва заметно. Но так, что он увидел.

– Только это очень опасно, учти. Предельно.

– Мне всё равно, я готов, – Санька выпрямился. Слабость, сомнения, и злость пропали. Пришла решимость. Он действительно был готов на всё. И плевать на любые опасности. – Что нужно делать?

– Довериться мне. А потом действовать. Ты попадёшь в другое место, не похожее на это, – она повела рукой. – Совсем не похожее. Там ты отыщешь свою маму, если сумеешь, конечно, и приведёшь её к источнику.

– Какому источнику?

– Источнику жизни. Твоя мама должна напиться из него. Но времени у тебя мало.

– Сколько?

– Мало. Вот, возьми, – она протянула Саньке тонкий синий браслет из непонятного материала. – Надень на руку.

– Что это? – Санька надел браслет. Тот сел на левое запястье, как влитой.

– Измеритель твоего времени. Сейчас он синий. Следи за тем, как будет уменьшаться синяя часть и увеличиваться красная. Если браслет станет полностью красным, а ты не успеешь найти маму и привести её к источнику, я буду вынуждена за тобой прийти.

– Понятно, – Санька посмотрел на браслет. На руке он почти не ощущался. Его ярко-синий чистый цвет внушал уверенность и надежду.

– Не ломай голову. Материал, из которого он сделан, людям не известен. Если ты решишь вернуться, то достаточно снять браслет и громко сказать: «Я хочу домой!» – продолжила Марина Шахатовна. – И тут же окажешься здесь, целый и невредимый. Но учти, сделать это можно, пока на браслете есть хотя бы тонюсенькая полоска синего цвета. Пусть с волос толщиной, но – есть.

– Понятно, – повторил Санька. – Пока на браслете есть синий цвет, я могу вернуться, когда захочу. После того, как браслет станет полностью красным, за мной явиться вы. То есть я умру. Верно?

– Верно.

– Где мне искать этот источник? И маму?

– Спрашивай дорогу, но не доверяй кому попало. Задавай вопросы, но отличай правду от лжи.

Ищи знаки и союзников. Думай. Итак, каково твоё решение?

– Ещё один вопрос.

– Спрашивай.

– Что со мной случится, если я погибну там?

– Соображаешь, – краем рта усмехнулась Марина Шахатовна. – Что ж, ответ таков. Твои шансы в этом случае пятьдесят на пятьдесят. Повезёт – вернёшься сюда живой и здоровый. Не повезёт... Что ж, значит, не повезёт.

– И вы ничего не можете с этим сделать? – прищурился Санька. – Ну, чтобы шансы вернуться увеличились?

– Не торгуйся, дорогой, – сказала Марина Шахатовна строго. – И – да, не могу. Пятьдесят на пятьдесят. Это не мой каприз – судьба. Иначе все было бы слишком просто. Так ты готов или нет? Решать нужно прямо сейчас, времени на раздумья я не могу тебе дать.

Санька повернул голову и посмотрел на окно палаты, за которым, он знал, лежала мама. Фактически без надежды на выздоровление.

– Я готов, – сказал он.

– Храбрый мальчик. Люблю таких. Последний наказ. Сам из источника не пей ни в коем случае. Какую бы жажду ты не испытывал. Когда мама напьётся, она исчезнет. Ты увидишь. Но не бойся, аними браслет и громко скажи: «Дело сделано.

Я хочу домой!» Запомнил?

– Да.

– Повтори.

Санька повторил.

– Молодец, – похвалила Марина Шахатовна. – Смотри, не забудь.

Он протянул руку и впечатала указательный палец ему в лоб. Пламя и лёд. Вспыхнул и тут же погас в глазах яркий, белый, ослепительный свет. Мир вокруг исчез, и всё объяла тьма.

Глава вторая

Старая дорога

Пахло цветами. Сладковатый и густой запах, напоминающий аромат роз.

Санька открыл глаза, сел и огляделся. После чего поднялся на ноги, потому что сидеть в высокой, выше головы, траве было неудобно – не видно ничего, кроме сплошных стеблей. Теперь трава была ему по грудь, и Санька смог оглядеться по-настоящему. Он находился на заросшей высокой и густой травой полосе, шириной больше пятидесяти, но меньше ста метров (Санька играл в футбол, был вратарём, и хорошо умел оценивать расстояние на глаз). Полоса эта тянулась вперёд и назад, куда хватало глаз среди хаотического нагромождения острых, причудливых форм, скал и гладких округлых валунов, самый маленький из которых был размером с индийского слона, а большой мог бы раскатать в труху трёхэтажный дом. Санька ничего не понимал в геологии, но даже ему показалось подобное сочетание крайне необычным. В любом случае ничего похожего он в своей жизни раньше не встречал. Ни в реале, ни на видео.

Ко всему прочему, ни разу в жизни он не попадал в ситуацию, когда только что ты сидишь на скамейке в парке, а через мгновение открываешь глаза в совершенно незнакомом месте. Впрочем, и в ситуацию, когда в обычном городском трамвае ты встречаешься с самой Смертью, а после знакомишься с ней, разговариваешь и заключаешь нечто вроде сделки, он тоже никогда не попадал.

Самое необычное, что с ним случалось – это, когда год назад он, собирая грибы, заблудился в лесу, а смартфон с навигатором разрядился. И то было не страшно, потому что, подавив легкий приступ паники, Санька вспомнил наставление прадеда Алексея Ивановича: «Всегда знай, с какого направления относительно городаходишь в лес. Обычно это юго-восток. Значит, идти нужно на северо-запад и рано или поздно выйдешь к опушке. Ну, а если уж совсем заплутал и растерялся, иди вдоль любого ручья. Они все, в конце концов, в нашу речку впадают. А речка к людям сама выведет».

Папа научил Саньку определять стороны света по солнцу и наручным часам, по звёздам и компасу. Наручных часов Санька не носил, но дедов карманный компас, когда шёл в лес, всегда брал с собой. Поэтому и выбраться тогда из леса удалось без малейших потерь, хотя на обратном пути он попал в жуткую грозу и промок до нитки.

Но теперь....

Санька поднял голову.

Небо было затянуто равномерной, чуть мерцающей жемчужным светом пеленой. Похоже на утренний туман, когда он летним росистым утром поднимается от травы ввысь, чтобы через пару часов окончательно рассеяться под солнцем. Впрочем, солнца видно не было. Даже угадать, в какой оно стороне, не представлялось возможным, поскольку жемчужная пелена будто светилась сама по себе абсолютно ровным светом по всем направлениям.

Также не ощущалось ни малейшего ветерка, и было довольно жарко. Гораздо жарче, чем минуту назад (или сколько там прошло времени) в больничном парке августовским утром.

Санька ещё раз оглядел травяную полосу. Там и сям среди зелени виднелись крупные алые пятна цветов. Очень крупные. С большой старинный бабушкин медный (точнее, латунный) таз, в котором она варит варенье.

Ближайший такой цветок находился от Саньки метрах в пяти. Раздвигая перед собой стебли травы, Санька в несколько шагов приблизился к растению. Запах резко усилился. Так, что даже голова чуть-чуть закружилась. Или это ему только показалось?

Санька протянул к цветку руку. Толстые алые лепестки дрогнули и пошевелились, расходясь в стороны и открывая более тёмную и влажную середину...

– Не советую, молодой человек, – раздался за его спиной голос. – Можете остаться без пальца, а то и двух. Запросто.

Санька одёрнул руку и быстро повернулся.

И никого не увидел.

– Да здесь я, здесь, – проворчал голос откуда-то снизу. Был он весьма отчетлив, только непонятно кому принадлежал.

Трава чуть разошлась.

Санька присел, вглядываясь. И тут же отшатнулся, потерял равновесие и шлепнулся на пятую точку. Прямо на него уставились два жёлтых глаза, расположенных на треугольной голове. Затем, на долю секунды, голова внизу будто раскололась, из узкой трещины пасти выскочил раздвоенный язык и, совершив сложное круговое движение, исчез.

Змея.

– Ну, змея, – сказал голос, исходящий от головы. – И что?

При этом щель пасти осталась закрытой, и ворчливости в голосе не уменьшилось. Теперь Санька разглядел и тело, причудливо изогнувшееся меж стеблей. Длинное, не менее двух метров, и толщиной с Санькино запястье, оно было покрыто сложным и очень красивым тёмно-зелёным узором по более светлому и тоже зелёному фону.

– Извините, – сказал Санька. – Но я никогда в жизни не встречал говорящей змеи.

– Не могу сообщить того же самого о себе, – произнесла змея, по-прежнему не открывая рта. – Тем не менее, я рада, что ты не слишком испугался. Кажется.

– Не слишком, – согласился Санька. – Просто... всё это очень неожиданно.

– Бывает, – заметила змея и уложила голову на землю. – Как тебя зовут, меченый?

– Санька, – сказал Санька. – А почему меченый?

– Потому что на тебе метка.

– Где?

– На лбу, конечно, где же ещё.

Санька машинально пощупал лоб, затем вытащил из кармана смартфон и посмотрелся в тёмный экран, используя его в качестве зеркала. Так и есть – в центре лба, там, где его коснулся палец Марины Шахатовны (лишний раз Санька всё-таки предпочитал не называть её настоящего имени даже про себя), виднелось коричневое тёмное круглое пятно размером с десятикопеечную монету.

Санька вынул платок, смочил край слюной и потёр лоб. Ни малейшего эффекта.

– Зря стараешься, – произнесла змея. – Отметина Хозяйки не смывается. Да и не нужно её смывать.

– Почему? – спросил Санька.

– Ну как же, по ней тебя будут узнавать. Иногда это может быть полезным.

«А не иногда?» – подумал Санька, но вслух спросил о другом:

– А вас как зовут?

– Хм, – сказала змея. – Трудный вопрос.

После чего умолкла, и взгляд её жёлтых глаз приобрёл отсутствующее выражение.

Молчал и Санька, ожидая ответа. Только положение изменил, переместившись на корточки. Лёгкое дуновение воздуха коснулось его щеки, и до ушей донёсся шум, похожий на шум крыльев. Он поднял голову. Так и есть – бледно-серое, с длинным изогнутым клювом, существо, размером с трясогузку, гонялось неподалёку за стрекозой. Что называется, руку протянуть. Стрекоза ловко уворачивалась, существо не отставало.

В первый момент Саньке показалось, что это птица, но уже во второй он понял – нет, не пернатое. Крылья кожистые, перепончатые, как у летучей мыши. И клюв... Длинный – ладно. Мало ли птиц с длинными клювами. Но ведь ещё и зубастый! Эти острые изогнутые зубы хорошо были видны, когда существо распахивало пасть-клюв на очередном выраже в надежде

ухватить стрекозу хотя бы за хвост. И снова захлопывало, когда стрекоза в очередной раз уворачивалась от неминуемой гибели.

Птеродактиль, вспомнил Санька. Только очень маленький. Вот на кого оно похоже.

Словно замороженный, он продолжал следить за воздушной погоней, забыв на какое-то время о говорящей змее у своих ног. Избегая зубастого клюва, стрекоза выполнила фигуру высшего пилотажа, именуемую «горка», и ринулась сверху вниз прямо на алый цветок. Мини-птеродактиль повторил маневр и устремился за добычей. Скорость росла. Расстояние до цветка стремительно уменьшалось. В ту самую секунду, когда Саньке показалось, что стрекоза сейчас врежется в цветок, ловкое насекомое резко ушло в сторону. Птеродактиль взмахнул крыльями, стараясь изменить направление полёта. Но было поздно. Инерция оказалась сильнее, и крылатый охотник с ходу вляпался во влажную середину цветка.

И тут же прилип.

Санька вскочил на ноги, не отводя глаз от удивительного зрелища. Мини-птеродактиль погрузился обеими лапами и хвостом во влажную алую мякоть и отчаянно бил крыльями, стараясь вырваться. Бесплезно. Мякоть держала крепко. Мало того – цветок начал на глазах менять форму. Его толстые мясистые лепестки утончились, вытянулись и принялись медленно сдвигаться к центру, стараясь образовать над попавшейся жертвой нечто вроде купола.

Медленно и неумолимо.

Словно понимая, какая судьба его ожидает, маленький птеродактиль издал пронзительный визг и рванулся из последних сил. Ему удалось вырвать из липкой алой мякоти одну лапу и почти освободить вторую, но судьба была явно не на его стороне. Лепестки сошлись вместе и заключили бьющееся тело охотника за стрекозами в непроницаемый кокон. Тут же последовали удары изнутри – один, второй, третий. Но уже четвёртый был намного слабее, пятый ещё слабее, а шестой и вовсе вылился в едва заметный толчок. Седьмого не последовало. Охота была закончена.

Так вот почему змея меня предупреждала, подумал Санька и посмотрел вниз. Змея свернулась в кольцо и, похоже, спала.

Будить или не стоит? Спросить-то больше все равно некого, а один раз она мне уже помогла.

Санька кашлянул. Никакого эффекта. Санька кашлянул громче и притопнул ногой.

Глаза змеи, словно нехотя, приоткрылись.

– Извините... – начал Санька.

– И не подумаю, – сказала змея. – Мне, может, вещий сон снился, а ты что?

– Как – что? – не растерялся Санька. – Мне идти нужно, а вы спите. Меня учили, что уходить, не попрощавшись, невежливо.

– Прощай, – сказала змея. Глаза закрылись.

– До свидания. А...

Змея молчала.

Что ж, ладно. Ещё раньше Санька заметил за пределами травяной «реки» довольно высокую скалу, на которую очень удачно легла под наклоном другая, образовав нечто вроде крутого пандуса. Вместе они напоминали стилизованную греческую букву «лямбда».

Пожалуй, можно попробовать забраться и оглядеться. Только сначала неплохо проверить, чем он располагает. Так всегда учил папа – прежде, чем приступить к делу, оцени имеющиеся у тебя ресурсы. Любые. Чтобы знать, на что можно рассчитывать.

Итак. Материальные ресурсы: одежда и обувь (джинсы, футболка с длинными рукавами, летние кроссовки); чистый носовой платок, проездная магнитная карточка, почти полностью заряженный смартфон, тридцать восемь рублей мелочью и пятьдесят бумажкой – бабушка дала на карманные расходы. Рюкзак. В рюкзаке – роликовые коньки (после больницы он собирался погонять в близлежащем парке на роллердроме), две целые и одна початая пачка бумажных

платков, швейцарский перочинный нож (подарок отца), обломок карандаша, почти совсем новый чёрный маркер, шариковая ручка, несколько металлических скрепок, неведомо как здесь оказавшихся, бесплатная районная газета, которую он взял из почтового ящика ещё вчера, но забыл отдать бабушке, несколько изрядно помятых листов бумаги форматом А4 с напечатанными на них правилами настольной игры Small Word. Зажигалка (Санька не курил, но как можно жить без зажигалки?). И, наконец, самое главное – пакет с бутербродами. Три с колбасой и три с сыром. Плюс масло и листы салата. Спасибо бабушке, сделала и сунула чуть ли не силой, когда узнала, что он потом на роллердром собрался. Ещё чай в термосе хотела дать, а он, дурак, отказался. Сказал, что колы купит. И впрямь дурак. Особенно с учётом того, что колы он купить не успел. Ни колы, ни просто воды. Ладно, проехали, чего уж.

Теперь ресурсы нематериальные. Он сыт, здоров и полон сил. Не дурак (отсутствие в рюкзаке термоса с чаем поколебало эту уверенность, но надежда осталась), точно не трус и готов преодолеть любые преграды, чтобы спасти маму. И начать прямо сейчас. Санька ещё раз оценил скальную «лямбду», прикидывая, как будет подниматься.

– Налево, – вдруг сказала змея. – Лучше всего по дороге налево.

Санька обернулся.

Но змеи уже не было. Только чуть качнулись стебли травы, да едва слышный шорох долетел до его слуха и тут же стих.

– Спасибо! – крикнул Санька на всякий случай.

Через недолгое время он стоял на вершине наклонной скалы, держался за шероховатую поверхность второй, вертикальной и оглядывал окрестности.

Отсюда, с высоты четырёхэтажного дома, он увидел, что широкая полоса травы с плотоядными цветами тянется посреди хаотичного нагромождения скал и валунов, куда хватает глаз в обе стороны и пропадает далеко на горизонте. Только причудливых форм скалы, валуны, высокая трава и хищные плотоядные цветы. Всё. А, ну да, ещё говорящие змеи в траве, стрекозы и мини-птеродактили. Как Марина Шахатовна говорила? Спрашивай дорогу, но не у всех подряд. Задавай вопросы, но отличай правду от лжи. Ищи знаки. Думай.

Лучше всего – налево по дороге, сказала змея. Но где эта дорога, и можно ли верить сказанному? Судя по тому, что она предупредила его о плотоядном цветке, можно.

И ещё, самое главное, он должен отыскать некий источник жизни и привести к нему маму. Которую тоже вначале нужно найти. И времени у него мало. Кстати, неплохо бы определиться, который час.

Санька отыскал на наклонной части скалы удобное углубление и уселся. Он совсем не боялся высоты, и сидеть здесь, на узкой, шириной в две его стопы, скальной полке без всякого ограждения ему было так же комфортно, как и внизу. Достал смартфон, включил. Сети не было. Приложение «Дата и время» честно сообщало, что сегодня пятьдесят восьмое августа, тридцать часов и сто сорок две минуты. Видимо, утра. Он дождался, когда цифры сменились на «30:143» и выключил смартфон. Поднял руку и посмотрел на браслет. Всё тот же насыщенный яркий синий цвет со всех сторон. Или... Ему кажется, или с внутренней стороны запястья действительно появилась тонюсенькая, практически незаметная линия? Санька пригляделся, поворачивая руку то так, то эдак. Непонятно. Иногда кажется, что есть, а под другим углом пропадает.

Всё-таки, о какой дороге сообщала змея?

Он снова огляделся, на этот раз медленнее и внимательней.

Так, а это что? Сразу за тремя, изъеденными скалами, воздетыми ввысь, словно три кривых перста, справа, за дальней стороной травяной «реки». Неужели тропа?

Санька всмотрелся.

Точно. Или даже неширокая дорога. Теперь, когда он её увидел, было легко проследить, как вьётся она между скал и валунов, то пропадая, то вновь появляясь. И совсем недалеко

от того места, где он сейчас находится. Надо только спуститься, пересечь полосу травы под углом примерно в сорок пять градусов и следовать в этом же направлении дальше. Примерно с километр. Возможно, меньше. Ориентир из трёх высоких скал удобный, ни с чем не спутаешь.

Санька проворно спустился вниз, пересёк полосу травы и уже через несколько минут пробирался дальше, стараясь придерживаться выбранного направления.

Это оказалось совсем непросто. Ничего, даже отдалённо напоминающего тропку. Сплошной камень, встающий иногда на пути непреодолимой преградой. Приходилось карабкаться, лезть, протискиваться, искать обходные пути и снова карабкаться, лезть, протискиваться... Наконец, три скалы приблизились вплотную, уткнувшись чёрными вершинами прямо в зенит, а затем остались за спиной. Ещё одно усилие и, преодолев короткий, но крутой склон, к тому же грозящий вот-вот осыпаться, Санька встал обеими ногами на заветную дорогу.

Всё-таки это была дорога. Узкая – с трудом разъедутся две легковые машины (если вообще разъедутся) и очень старая, покрытая остатками каменного мощения, но дорога.

Что ж, налево так налево. А там поглядим.

Поначалу идти было легко. В какой-то момент он даже принялся насвистывать старую песенку, которую любил напевать по утрам папа, когда был в хорошем настроении.

А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер,
Веселый ветер, веселый ветер!
Моря и горы ты обшарил все на свете,
И все на свете песенки слышал.
Спой нам, ветер, про дикие горы,
Про глубокие тайны морей,
Про птичьи разговоры, про синие просторы,
Про смелых и больших людей!¹

Но вскоре насвистывать расхотелось. Дорога всё круче забиралась в гору, и в какой-то момент Санька обнаружил, что не сможет с неё сойти, даже, если захочет. Только вперёд или назад, потому что справа выросла непреодолимая стена-скала, а слева образовался отвесный обрыв. Не слишком высокий – метров пятьдесят, но разбиться хватит. К тому же Санька начал уставать и понял, что не отказался бы от глотка-другого воды. А лучше целого стакана. Да и перекусить было бы неплохо. Позавтракал он рано утром, ещё восьми не было, а сейчас время наверняка шло к обеду. Хотя точно он сказать не мог – часы в смартфоне окончательно сошли с ума и сообщали, что сейчас тридцать пятое января ноль-ноль часов и двести восемьдесят одна минута.

А на обед сегодня гороховый суп, подумал Санька. Бабушка обещала сварить. С копченой рулькой. Может, съесть бутерброд? Их у него целых шесть. Три с колбасой, три с сыром. И на всех масло и листики салата. Один вполне можно съесть. Например, с колбасой.

Но с другой стороны, пить сразу захочется ещё больше. Нет, лучше сначала найти воду, а затем уж и поест заодно. Опять же, с водой всегда сытнее кажется. Потерпим.

Он проглотил набежавшую слюну (издевательская замена глотку воды) и повернул за очередной выступ. По-прежнему, никого. Ни сзади, ни спереди. Никто не догоняет и не движется навстречу. Ни людей, ни животных, ни птиц. Даже насекомых не видать. Тех же стрекоз, к примеру. И растений тоже нет, одни камни кругом. Может быть, он сделал ошибку, когда повернул налево? Может быть, нужно было идти направо? Или вовсе по травяной полосе? Подумаешь, хищные цветы. Не сожрали бы, небось. Он не миниптеродактиль и пальцы совать

---

¹ Слова Василия Лебедева-Кумача, музыка Исаака Дунаевского. «Песня о весёлом ветре» – песня из кинофильма «Дети капитана Гранта», 1936 г. – *Примеч. автора.*

в цветов не стал бы. А там, где растёт трава, и водятся животные и насекомые, наверняка есть и вода. К тому же, можно было снова встретить или отыскать говорящую змею и расспросить её о дороге. Кажется, ей можно доверять. Не зря же змеи считаются мудрыми существами. Пусть в сказках и мифах. Но ведь и никак не скажешь, что он сейчас находится в обычной нормальной реальности. Не разговаривают там змеи. А здесь разговаривают. Да, пожалуй, поторопился он. Так что, вернуться?

Санька даже остановился и поглядел назад. Далеко внизу, между скалами, ещё виднелась длинная узкая зелёная полоска.

Километров пять, подумал он. Не меньше. И нет стопроцентной уверенности, что он найдёт там открытую воду. К тому же решение принято и менять его на ходу – худшее, что можно придумать. Санька играл в футбол в воротах и знал на опыте, что худшая ошибка, которую может совершить вратарь – это изменить уже принятое решение. Выскочить, к примеру, из ворот навстречу нападающему и с пол дороги попятиться назад. Банка – сто процентов. А что годится для футбола, подходит и к жизненным ситуациям. В общем и целом.

Поэтому обратно поворачивать Санька не стал. Вздохнул и двинулся вперёд.

Дорога всё так же петляла меж скал, забираясь всё выше и выше. При этом каким-то удивительным образом усиливалась жара и духота. Хотя никакого солнца по-прежнему не было заметно, и над головой всё так же мерцала жемчужная пелена. Пить хотелось всё больше, и Санька пристально всматривался в окружающий ландшафт, стараясь отыскать хоть какие-то следы воды. Безрезультатно.

Наконец, подъем стал более пологим, а затем, после очередного поворота, и вовсе сошёл на нет. Дорога вывела Саньку на каменистое плато, дальше, теперь уже понижаясь, пробежала ещё несколько сотен метров и оборвалась. Там плато пересекала трещина, а сразу за трещиной громоздились развалины.

Поначалу Санька принял их за причудливую груду камней. Затем присмотрелся, заметил остатки стен с дверными и оконными проёмами и разглядел общий план сооружения.

Не города, не деревни, не замка. Именно сооружения. Неровный круг, в который вписан еще один, меньшего диаметра. Стены, ограждающие внутренний круг, выше тех, что идут вдоль внешнего, но сразу это трудно понять, потому что разрушены они все одинаково сильно.

Как многоквартирный дом, подумал Санька. Только форма необычная. Где-то я уже видел что-то похожее. Вот только где... Жаль, ни у Гугла, ни у Яндекса не спросишь. И поиск по фотке не запустишь. Но там точно когда-то жили люди, это видно. А там, где жили люди, должна быть вода. По логике. Остались пустыки – добраться до этих развалин и найти колодец. Желательно с водой. Да что там желательно – обязательно с водой. А то ведь шутки шутками, но так и от жажды умереть можно. Не дожидаясь Марины Шахатовны.

Кстати, насчет умереть. С учетом того, где он находится, и кто его сюда переместил, может он сейчас умереть или нет? Трудный вопрос. Особенно, когда так сильно хочется пить. И всё-таки, может или нет?

«Ага, – сам себе сказал Санька, – ты еще эксперимент проведи, исследователь пытливый. Давай. Вместо того чтобы маму искать. Нет уж, проверять не станем. Вперёд, нужно найти воду».

Легко сказать – вперёд. Между Санькой и развалинами лежало главное препятствие – трещина. Широкая и длинная, словно река – не перепрыгнуть и не обойти. И наверняка глубокая. Отсюда её дна не было видно, но Санька не сомневался, что сброшенный камень будет лететь вниз долго. Камень – ладно, самому лететь не хотелось. А подобный расклад был вполне возможен, – через трещину были переброшены остатки моста на вид столь хлипкие, что, казалось, рухнут при одном к ним прикосновении.

– Хорошо, – произнёс вслух Санька. – Посмотрим. Деваться всё равно некуда.

Шаг, другой, третий. Снова набран темп, дорога под горку, легко идти. Вот и трещина, и остатки моста. Санька остановился на краю, осторожно заглянул вниз. Да уж, костей не собрать, если что. Словно для того, чтобы подтвердить его мысли, а заодно и предупредить, из-под ноги сорвался камень и полетел вниз.

– Раз, два... – начал считать Санька.

Камень достиг дна на счёте «одиннадцать» – врезался в грудь таких же, как он, отскочил куда-то вбок и пропал из глаз.

Так как же всё-таки не повторить его судьбу?

Санька посмотрел вперёд, прикидывая ширину трещины. Не очень много, метров двадцать. От силы, двадцать пять. Настил моста давно обвалился, осталась только несущая каменная балка, поддерживаемая снизу каменными же косыми распорами. Одна из двух – остатки второй можно было разглядеть на дне трещины. Ширина балки – две Санькины стопы уместятся запросто. И ещё пара сантиметров останется. Нормальная ширина, вполне проходимая.

Он поставил на балку левую ногу, подвигал туда-сюда, проверяя сцепление обуви с камнем.

Хорошо, не скользко. Интересно, здесь дожди бывают? Главное – идти быстро, уверенно и не смотреть вниз. Я не боюсь высоты, но всё равно не смотреть. Нет там ничего интересного. Ну, давай.

Он перенёс вес тела на левую ногу, поставил на балку правую, чуть отвёл для равновесия руки в стороны и тут же, не задумываясь и не оглядываясь назад, пошёл. Быстро и уверенно, как и хотел. Балка держалась прочно, непоколебимо, словно была продолжением скалы, и это внушало дополнительную уверенность.

Десять шагов, пятнадцать... двадцать... Вот и край.

Последние несколько шагов Санька почти пробежал – легко и непринуждённо, даже где-то красуясь сам перед собой своей ловкостью, умением держать равновесие и бесстрашием.

– Оп-ля! – воскликнул, перепрыгнув с балки на твёрдую землю. Громкий шорох и треск за спиной заставил его обернуться.

Балка рушилась. Видимо, обвалились распоры, поддерживающие её снизу. Санька не мог этого видеть, но зато видел, как с шумом просела вниз сама балка, сразу на пару метров, затем треснула в двух местах ближе к середине, развалилась на три куска, и её обломки закувыркались вниз. По дороге они с грохотом задевали стены трещины, ломались в мелкие и крупные куски и, наконец, достигнув дна, рухнули, подняв облако пыли.

И только один почему-то не рухнул, а вопреки всем известным законам физики сначала завис в воздухе, а затем рванул вверх. Вот он приблизился, и стало понятно, что вовсе это не обломок, а птица. Черная, быстрая и довольно большая. Со свистом рассекая сильными крыльями воздух, она вылетела из трещины, красиво спланировала, уселась на обломок скалы, валявшийся неподалёку, и уставилась на Саньку черными блестящими глазками.

Санька не был силён в орнитологии, но понял, что перед ним ворон. Он видел таких однажды на море, в районе города Туапсе. Именно ворон, не городская серая ворона. С полметра от кончика хвоста до мощного, острого, похожего сбоку на чуть загнутый клинок, клюва. Весь чёрный, как смоль. Лапы длинные, сильные и цепкие. В общем, красавец, чего там.

– Молодец, – сказал ворон. – Просто мо-ло-дец. Хвалю.

Голос у него был негромкий, но отчётливый. И эмоционально окрашенный. Санька сразу понял, что птица его не хвалит. Отнюдь. И совсем не удивился самому факту произнесения вороном осмысленных слов. Во-первых, вороны умеют разговаривать, это общеизвестно. А во-вторых, совсем недавно Санька вёл беседу со змеей – и ничего, не удивлялся. Во всяком случае, не слишком.

– Не понял, – сказал он, подбоченившись. – Какие претензии?

– Ещё и грубит, – заметила птица. – Думает, если у него на лбу метка Хозяйки, то всё можно. Грубить, гнёзда рушить... – ворон переступил с лапы на лапу. – Что за времена настали, нигде покоя нет! Хорошо хоть наверх глянул, как под крыло меня кто толкнул, а то бы и меня зашиб.

– Я ничего не рушил, – твёрдо сказал Санька. – А если вы про рухнувшую балку, – теперь он догадался, что имеет в виду ворон, – то кто знал, что она плохо держится? – он подумал и добавил примирительно. – Извините, мне жаль, что так получилось. У вас там, внизу, гнездо было?

– Было. Теперь нет, – неожиданно ворон рассмеялся. В точности как человек, Саньке даже не по себе стало. – Третий раз одна и та же история. Первое гнездо селем смыло. Во второе вообще молния попала, прикинь? Молния! Теперь вот ты... А, ладно, не судьба, видать. Или не время. Лучше скажи, как тебя сюда занесло?

– Шёл по дороге, – Санька пожал плечами. – Змея посоветовала идти налево. Я и пошёл. И вот пришёл.

– Какая змея? Куся, что ли?

– Не знаю, как её зовут, она не представилась. Сказала, что это трудный вопрос.

– Узнаю Куся, – сказал ворон. – Для неё нет простых вопросов. Но в принципе дело с ней иметь можно. Хотя, конечно, по-разному бывает. Ежели Куся в плохом настроении...

– Извините, – перебил Санька. – Вы не знаете случайно, воду тут можно достать где-то? Очень пить хочется.

– Так, во-первых, давай-ка избавимся от этого дурацкого выканья. Будем считать, что долг вежливости ты исполнил, и хватит. Меня зовут Георгий. Можно просто Гоша. А тебя?

– Александр. Друзья зовут Санькой.

– Вот и познакомились! – обрадовался ворон. – Так как тебя сюда всё-таки занесло, Санька? Куся – это понятно, но давненько не видел я живых людей с меткой Хозяйки на лбу. Если совсем честно – вообще никогда.

– А что насчёт воды?

– Тьфу ты, пропасть. Забыл. Это всё стресс, не иначе. Слышал, небось, что мы, вороны, славимся древней мудростью, глубокими познаниями и исключительной сообразительностью?

– Ага, – сказал Санька.

– Так вот, всё это – чистая правда. Давай за мной.

Гоша снялся с обломка скалы, набрал высоту и, медленно махая крыльями, полетел к развалинам. Санька поспешил за ним.

Глава третья

Старая дорога-2. Неживой лес

Камень, сброшенный в крошечную темноту колодца, издал характерный плеск. Это был четвёртый по счёту колодец, три предыдущих оказались сухими, и Санька чуть было уже не начал сомневаться как в мудрости птицы, так и в прочих её достоинствах.

– Что я говорил! – воскликнул ворон Гоша. – Вода!

– Класс, – сказал Санька. – Осталось придумать, как её достать.

Таких колодцев, как здесь, Санька раньше никогда не встречал. Треугольные отверстия в земле, куда пролезет разве что детское ведёрко, обложенные плоскими камнями в качестве ограждения. Споткнуться – раз плюнуть. Равно как и перешагнуть в темноте, не заметив, чтобы затем угодить ногой точнёхонько в дыру. И – здравствуй ушиб коленной чашечки, вывих, а то и перелом.

Когда они нашли первый, Санька немедленно осведомился у Гоши, почему так. Ворон ответил, что он понятия не имеет. Эти развалины, по его словам, были здесь всегда, и кто и когда здесь жил и зачем устраивал именно такие колодцы – неизвестно.

– Жди здесь.

Гоша взмахнул крыльями и скрылся в пустом проёме ближайшего окна. Санька присел на камень, поглядел на браслет. Вот она, полоска. По-прежнему тонюсенькая и едва заметная, но уже не исчезает, как запястье ни крути. Что под таким углом, что под эдаким. И уже видно, что цвет её – красный. Не обманула, значит, Марина Шахатовна.

Саньке стало не по себе. Только сейчас он со всей отчётливостью начал понимать, в какую авантюру ввязался. Сказать о ней «безумная» – всё равно, что назвать сахар сладким. Вроде всё правильно, а толку ноль.

– Ничего, – произнёс он вслух, чтобы как-то себя приободрить. – Взялся за гуж, не говори, что не дюж, как любит говорить прадедушка Алексей Иванович. Время есть.

Послышался шум крыльев, и рядом с Санькой шлёпнулось брезентовое ведро с привязанной к брезентовой же ручке-л ямке верёвкой. Вслед за ним на плоские камни вокруг колодца сел Гоша.

– Вот, – сказал он. – Действуй.

– Спасибо.

Санька взял ведро, покрутил в руках. Ведро казалось хоть и ветхим, но ещё вполне способным удержать воду. Верёвка тоже не производила впечатление сгнившей. Он огляделся, подобрал камень размером в кулак, положил в ведро. Затем обернул конец верёвки вокруг правого запястья и затянул петлёй.

– Молодец, – похвалил ворон. – Соображаешь.

И посторонился, переступив на самый край ограждения из плоских камней.

Санька сунул ведро в дыру. Под весом камня оно легко пошло вниз, и скоро опять послышался плеск. А затем по тяжести на другом конце верёвки, Санька понял, что ведро наполнилось, и быстро вытащил его наверх.

Вода в ведре была чистая, прозрачная, холодная до ломоты в висках и очень вкусная. И не потому, что пить сильно хотелось (хотя и это тоже), а действительно вкусная. Как в горном ручье.

Ворон Гоша тоже напился, ловко поворачивая клюв таким образом, чтобы вода сама туда затекала. После чего поправил клювом идеально лежащие перья на левом крыле и осведомился:

– И что дальше?

– Поедим, – предложил Санька.

Они нашли удобное место вблизи колодца – каменный стол за полуразрушенной стеной, рядом с которым сохранилась также каменная скамейка.

Уселись. Санька за стол, ворон на стол. Санька достал из рюкзака пакет с бутербродами.

– Тебе с сыром или колбасой? – спросил.

– С колбасой, – выбрал Гоша. – И можно половину. Я же меньше тебя.

Санька расстелил на столе газету, развернул два бутерброда – один с колбасой и один с сыром. Вытащил нож, отрезал половину бутерброда с колбасой, пододвинул ворону.

– Раз уж ты такой добрый, то не мог бы порезать его на более мелкие части? – попросил Гоша. – Я, конечно, и так съем, но кусочками удобнее.

– Изволь, – ответил Санька и сам поразился, что у него выскочило это старинное слово. Видно, окружающая обстановка каким-то образом настраивала на соответствующий лад. Однако виду не показал и сделал, как просили.

– Благодарю, – ворон чинно склонил голову и приступил к трапезе.

Они умяли бутерброды в пять минут, запили водой.

– Другое дело, – сообщил Санька, пряча пакет в рюкзак. – Теперь можно топтать дальше.

– Куда? – спросил Гоша.

Санька помолчал, вспоминая предупреждение Марины Шахатовны. «Спрашивай дорогу, но не доверяй, кому попало. Задавай вопросы, но отличай правду от лжи. Ищи знаки и союзников. Думай». Ворон сам показал ему дорогу к колодцу с водой. И нашёл ведро. И съел только половину бутерброда. При том, что Санька, пусть и невольно, разрушил его гнездо. Вполне достаточно, чтобы довериться такому товарищу. А иначе и вовсе останешься один.

– Мне нужно найти маму, – сказал он. – И привести её к источнику жизни.

– Ого! – воскликнул Гоша. – Ничего себе задачка. Так твоя мама здесь?

– Получается, да. Так сказала Марина Шахатовна.

– Кто? – не понял ворон.

– Ну... она сказала, что её зовут Марина Шахатовна. Смерть. Я думаю, это она была.

– Тсс... Тихо! – Гоша завертел головой, словно выискивая тех, кто мог бы услышать их беседу. – С ума сошёл? Разве можно так Хозяйку называть? Да ещё и вслух?!

– А почему нельзя? Меня никто не предупреждал. В том числе и сама Хозяйка.

– Мог бы и сам догадаться, – пробурчал ворон. – Не маленький уже.

– Мне двенадцать лет, между прочим, – заявил Санька. – И восемь месяцев. Уж не знаю, большой я или маленький, но точно не понимаю, с чего бы мне догадаться, кого можно своим именем называть, а кого нельзя.

– Эх, молодёжь, – сказал Гоша. – Несмышлёныши. Ладно, проехали. Я сказал, ты запомнил. Нельзя. Запомнил же?

– Запомнил.

– Крепко запомни. Это важно. Так значит, это Хозяйка тебя сюда отправила? Впрочем, чего я спрашиваю. Ясно, что она, раз у тебя на лбу её метка и браслет-время из лунного янтаря.

– На Луне есть янтарь? – Санька поглядел на браслет.

– Смотря на какой Луне... Но сейчас это неважно. Скажи лучше, как ты собираешься искать маму и заодно источник жизни?

– Ну... – Санька замялся. – Я думал, может быть, ты мне подскажешь.

Ворон Гоша ничего не ответил. Он взмахнул крыльями, слетел со стола и вмиг очутился на верхушке полуразрушенной каменной стены, где и уселся, повернувшись к Саньке спиной. Долго молчал, затем чуть повернул голову и негромко сказал:

– Это Бесконечная страна, Санька. И в прямом смысле, и называется так. И всех её уголков не знает никто. Даже Хозяйка. Твоя мама может оказаться в любом из них. Что до источ-

ника жизни... Да, я слышал, есть здесь такой. Но ещё ни разу не встречал никого, кто бы его видел своими глазами. Не говоря уже, чтобы пил из него.

– Здесь моей мамы точно нет, – Санька демонстративно огляделся. – И источника жизни тоже, если правильно понимаю. Здесь только ты и я. И перед нами дорога. Не знаю, куда она ведет, но куда-то ведет точно. Возможно, там мне кто-нибудь даст необходимую инфу, если ты не в курсе.

Ворон промолчал.

Санька поднялся, посмотрел задумчиво на брезентовое ведро, и подумал, что хорошо бы захватить воду с собой. Только вот как? Эх, знал бы, не выбрасывал вчера пустую литровку из-под лимонада. Но, если нашлось ведро, может и другую какую тару стоит здесь поискать? Например, флягу. Ему любая подойдет. Лишь бы не дырявая и с крышкой. Или даже затычкой. Кстати, ведро тоже надо взять, может пригодиться. Благо, в рюкзак влезет спокойно.

Он посмотрел на ворона. Тот все так же молча сидел на верхушке стены.

– Гоша, – позвал Санька.

– Ну?

– Там, где ты нашёл ведро, не было случайно какой-нибудь фляги?

Ворон повернулся, переступив лапами.

– Там вряд ли. Вон ту скосбоченную дверь видишь? – Гоша указал клювом на дверной проём в боковой стене. Стена покосилась влево, и вместе с ней покосился и проём. Сама дверь, сбитая из толстых досок, болталась на одной петле и вот-вот была готова сорваться окончательно и почить на каменных плитах двора.

– Вижу.

– Это кладовка. Ну... была. Там поищи.

Свет в кладовку проникал сквозь окно в противоположной стене и проломленную крышу, обломками которой, а также битой глиняной посудой был завален весь пол. Хрустя черепками, Санька прошёл внутрь. Кусок доски, на который он неосторожно наступил, подскочил и больно ударил его по лодыжке.

– 3-зараза...

Санька потёр ушибленное место, оглядел полки справа и слева. Нижние были из камня, верхние из дерева. Часть их обрушилась, и доски торчали в разные стороны, мешая проходу. На тех, что выдержали натиск времени, стояла, в основном, глиняная посуда. Тарелки, миски, чашки, пара кувшинов... Слеплено умело, ровно, на гончарном круге (Санька видел, как лепят похожую посуду на фестивале древних ремёсел). Потом её высушили и обожгли. Просто, без цветной глазури и узоров. Вот только кто? Как вообще, здесь кто-то мог жить, если это место, то есть, всё место, вся эта Бесконечная страна имеет Хозяйку – Смерть? Ладно, Марину Шахатовну, извините.

«Ты ведь живёшь, – сказал он себе. – Тебе хочется есть и пить, ты устаешь, потеешь, чувствуешь тепло и холод, боль, запахи. И ещё ты видел здесь плотоядный цветок, мини-птеродактилей и говорящую змею. А с говорящим вороном общаешься прямо сейчас. У него даже имя есть. И он ест, и пьёт. То есть, живёт. Так и они, наверное. Другой вопрос, как эти загадочные «они» сюда попали и куда делись потом».

Флягу он заметил в самый последний момент, когда уже собрался поворачивать назад. Она лежала на самой нижней, каменной полке, за тремя, вложенными друг в друга, глиняными мисками. При взгляде на неё и, особенно, когда Санька взял её в руки, в памяти всплыло полузабытое слово «баклага». Деревянный овальный цилиндр с бронзовой окантовкой, поверхность которой приобрела характерный зеленовато-голубой оттенок старой патины, и плотно притёртой деревянной же пробкой.

На полтора литра баклага не меньше. И в рюкзак отлично поместится. Главное, чтобы не протекала. Вот сейчас и проверим.

Фляга, она же баклага, оказалась вполне годной. Дважды Санька её тщательно прополоскал, затем наполнил водой, заткнул пробкой, покрутил в руках, встряхнул, перевернул. Нормально. Держит воду, не протекает. Уложил в рюкзак, туда же, ближе к спине, сунул и ведро. Надел рюкзак и сказал:

– Я иду. Ты как, со мной или остаёшься?

– Назови мне хотя бы одну причину, почему я должен тебя сопровождать в этой безумной затее? – осведомился ворон Гоша.

– В сказках и фильмах так всегда бывает, – ответил Санька. – У героя обязательно должен быть сопровождающий. А то и не один. Мне кажется, ты отлично подходишь на эту роль.

– Вот как! Уж не думаешь ли ты, что попал в сказку?

– Я думаю, что должен найти маму и привести её к источнику жизни. Если есть хотя бы один шанс на миллион, что это возможно – в сказке ли, в кошмаре, бреду или где угодно, я попытаюсь его поймать, – Санька протянул руку и сжал пальцы в кулак, показывая, как он поймает шанс. – И я буду очень рад и благодарен, если ты согласишься меня сопровождать, – Санька и сам не понимал, откуда у него берутся слова, но они брались. – Не знаю, что нас ждет впереди. Скорее всего, путь не будет лёгким...

– Ты даже не представляешь, насколько, – сообщил ворон каркающим голосом, и Саньке показалось, что он это нарочно, поскольку до этого говорил вполне нормально.

– Но вдвоём мы справимся, я в этом уверен, – закончил Санька терпеливо. – И ты всё равно не хочешь опять начинать строить гнездо, – улыбнулся он. – Так мне кажется.

– Это почему тебе так кажется? – покосился на него Гоша.

– Потому что гнездо тоже лучше строить вдвоём. А ты был один, когда мы встретились.

– Много ты понимаешь... – Гоша умолк и какое-то время сидел неподвижно, опустив клюв, словно о чём-то глубоко задумавшись. Затем поднял голову, расправил и снова сложил крылья, блеснул чёрными глазами-бусинами. – Ладно, уговорил. Мне давно хотелось сменить обстановку. Но учти, я действительно не знаю, куда ведёт эта дорога. То есть, я летал в ту сторону, но дальше Неживого леса не бывал.

– Неживого леса? – переспросил Санька.

– Сам увидишь. К вечеру доберёмся.

Теперь идти было легче, и вскоре Санька и Гоша оставили разрушенный город-здание позади. Санька шёл в обычном походном темпе, поглядывая под ноги, чтобы не споткнуться о выбоину, но больше смотрел по сторонам. Дорога вилась по каменистому плато, огибая лысые, поросшие редкой сухой травой, холмы. По верхушкам некоторых из них тянулись скальные выступы, напоминающие издали то ли остатки оборонительных стен, то ли окаменевшие спинные гребни гигантских динозавров, погребённых в толще земли. Над головой вместо неба – всё та же жемчужная пелена, испускающая ровный мягкий свет. Из-за него предметы здесь не отбрасывали тени. Ни холмы, ни скалы, ни сам Санька, ни летящий над его головой ворон Гоша. Поначалу это удивляло, но Санька быстро привык. В конце концов, в пасмурный день, когда небо плотно затянуто облачной пеленой, теней тоже почти нет.

Но там ты точно знаешь, что за облаками сияет солнце, думал Санька. А здесь что?

Он посмотрел вверх. Всё то же ровное жемчужное сияние. И только ворон Гоша кружит в вышине, даёт глазу зацепиться за себя, чтобы не утонуть безнадежно в этом приятном и даже, наверное, красивом, но почему-то не слишком радостном сиянии.

А ведь и Марина Шахатовна тоже не отбрасывала тени, подумал Санька. Хотя и сидела под солнцем. Там, в мире людей. Наверное, это должно что-то значить, – я в стране теней, где теней-то и нет.

«Почему ты думаешь, что это страна теней? – спросил он себя и сам себе ответил. – А где же ещё? Как иначе назвать страну, где Хозяйка – Марина Шахатовна. Она же... Ладно, не буду называть, если не принято. Вообще-то, – размышлял он дальше, – я должен был, наверное,

испугаться до полной неподвижности. Но мне почему-то не страшно. Ну, почти. Это потому, что тебе пока ничего особо страшного не повстречалось. Подумаешь, любящий полакомиться малюсенькими птеродактилями цветок или говорящая змея! Они же на меня не напали. Вот остатки моста – это да, это было страшновато. Но и то лишь потому, что они рухнули сразу после того, как я оказался на другой стороне...»

Так, размышляя о разном, Санька шёл и шёл вперёд. То ли потому, что он отдохнул возле колодца, попил воды и даже немного поел; то ли потому, что втянулся в дорогу; то ли по какой-то иной причине, но усталости он не чувствовал и казалось, что идти вот так может очень и очень долго, хоть десять километров, хоть двадцать, – до самого Неживого леса. И ещё дальше. Туда, где мама. И потом, вместе с ней, – к источнику жизни.

Ворон Гоша, чьи крылья были намного быстрее Санькиных ног, то намного обгонял Саньку, улетая далеко вперёд и почти исчезая из виду, то возвращался, делая над ним круги, то опускался на вершину какой-нибудь скалы у дороги и сидел там, дожидаясь, пока Санька подойдёт ближе. После чего снова взмывал в воздух.

Саньке нравилось следить за ним – летал Гоша красиво, можно даже сказать, мастерски. Сразу видно – не какой-нибудь воробей, не в обиду им будет сказано. Хотя кому обижаться? Не видно здесь пока ни воробьёв, ни синиц, ни галок, ни даже обычных ворон. Из всех летающих – только мини-птеродактиль, сожранный плотоядным цветком и ворон Гоша. Из ползающих – говорящая змея Куся. Вот и весь животнo-птичий мир.

После очередного поворота, огибающего мощный скальный выступ, дорога вновь пошла в гору, карабкаясь на гряде холмов впереди, к седловине. На часы в смартфоне смотреть было бесполезно, они давно показывали какую-то полнейшую несуразицу, но Саньке показалось, что стало чуть темнее – жемчужный свет, сочащийся с неба, вроде бы немного утратил яркость.

Гоша спланировал с высоты, взмахнул крыльями, уравнивая скорости, и сел Саньке на плечо. От неожиданности Санька засмеялся. Идти с вороном на плече было прикольно. Придавало значимости. Юный одинокий странник на дороге с вороном на плече... Красиво. Жаль, не видит никто. Правда, довольно быстро Санька понял, что это хоть и прикольно, но не слишком удобно – ворон был крупной птицей и весил немало. Плюс когти. А Санька в одной майке... Словно уловив его мысли, Гоша аккуратно снялся с плеча, взмыл в воздух, поднялся повыше. Покружил, вернулся. Санька снял рюкзак, перебрал обе лямки на одно плечо, чтобы создать защиту.

– Сюда садись, – похлопал. – А то когти у тебя, что твои кинжалы.

– Извини, – буркнул ворон. – Какие есть. Постараюсь осторожнее.

– Не возражаю, – усмехнулся Санька.

– Сверху уже виден Неживой лес, – сообщил Гоша, усевшись. – Недалеко осталось.

– Хорошо, – сказал Санька. – Наверное. Тебе не кажется, что стало как будто темнее?

– Так вечереет же.

– Здесь бывает ночь?

– А как же, – Гоша помолчал и добавил. – Там, в Неживом лесу, я как-то видел избушку.

Хорошо бы до неё добраться, пока совсем не стемнеет.

– Там кто-то живёт?

– Понятия не имею. Но с виду избушка целая, переночевать в ней можно.

– А под открытым небом нельзя? – спросил Санька. – Наломать лапника, разжечь костёр... Главное, чтобы дождь внезапно не начался.

Он припомнил, как однажды с прадедом Алексеем Ивановичем они ходили на ночную рыбалку без всякой палатки, только со спальниками в рюкзаках. Прадеду тогда было семьдесят три, Саньке десять. Дедушка и бабушка были категорически против. Однако прадед победил (ещё бы он не победил, – ха-ха!), и всё обошлось. Они даже поймали несколько окуней и плотиц, и прадед научил Саньку варить уху. Здорово было, в общем.

– Тебе хочется под открытым небом? – осведомился Гоша с каркающими нотками (Санька уже понял, что появление таких ноток свидетельствует о том, что ворона что-то не устраивает).

– Да не то чтобы хочется. Просто спросил. Для информации.

– Можно, наверное, и под открытым небом, – сказал ворон. – Только учти, что лапника в Неживом лесу взять негде. Он потому так и называется, что деревья в нём неживые. За редким исключением. Мне-то что, дупло найду и переночую, а вот ты... Опять же, спать лучше за стенами и под крышей. В любом случае.

Так, болтая о разном, они взбирались вверх по старой заброшенной разбитой дороге – мальчик и говорящий ворон на его плече. Под жемчужным темнеющим небом. В стране, не обозначенной ни на одной карте.

Сразу за седловиной дорога ныряла вниз и вскоре терялась в Неживом лесу, пропадала за сплошной массой высоких чёрных деревьев с растопыренными вверх и в стороны мёртвыми руками-ветвями. И тянулась эта масса вдаль до самого горизонта, насколько хватало глаз, сливаясь в сплошное чёрное пятно. Правда, уже заметно стемнело, и горизонт придвинулся.

– Не могу сказать, что меня радует это зрелище, – сообщил Санька. Он остановился на несколько секунд, чтобы оглядеться.

– Я предупреждал, – каркнул Гоша.

– Но другой дороги всё равно нет, – сказал Санька. То ли вопросительно, то ли утвердительно, он и сам не знал.

– Спорить не стану, – уклончиво заметил ворон.

– Тогда пошли.

Санька поправил лямки рюкзака и двинулся вниз по дороге.

Неживой лес встретил путников мёртвой же тишиной. Она и раньше была чуть ли не осязаемой, но здесь Санька впервые понял смысл выражения «оглушительная тишина». Это когда так тихо, что кажется – ты оглох. Ни шороха, ни скрипа, ни шелеста, ни треска. Слышен только шум собственных шагов и дыхание. Тоже собственное. Неприятное чувство, скажем прямо. С другой стороны – ну их, эти звуки. Ещё неизвестно, кто их производит. А так понятно, что, кроме них с Гошей, в Неживом лесу никого нет. Понятно ведь? Будем считать, что так и есть. Плохо только, что с каждым шагом вокруг всё темнее и темнее. И холоднее. Конечно, на крайний случай смартфон можно использовать в качестве фонарика, а вокруг достаточно хвороста, чтобы разжечь костёр и не замёрзнуть, но хотелось бы всё-таки дойти до места ночлега.

Вернулся, слетав на разведку, Гоша, сделал круг над головой, уселся на ближайшую ветку.

– Скоро уже, – сообщил. – Видишь, вон там, впереди и справа вроде как деревья расступаются?

– Ну.

– Там тропинка. На неё сворачивай.

– Понял.

Тропинка, мало чем отличающаяся от её сестёр в обычных лесах, сначала вилась между деревьями, затем пошла вниз, нырнула в глубокий и широкий лог. Под ноги то и дело подворачивались корни, но света пока ещё хватало, чтобы не спотыкаться. Послышался шум ручья. А вот и он сам – бежит по дну лога, журчит, как ни в чём ни бывало. И бревно очень удачно через него перекинуто. Довольно крепкое бревно, однако, не сгнившее. И ветви на нём явно обрублены, чтобы удобнее было идти.

– Значит, есть тут кто-то, – высказал мнение Санька, перебравшись на другой берег. – Это бревно не само здесь легло.

– Может, и есть, – согласился Гоша. – Но я никого не видел.

Он снова уселся Саньке на плечо.

Санька хотел было сказать, что для ворона Гоша не слишком много знает, но вовремя прикусил язык. Гоша мог и обидеться. Надо как-то иначе. А, вот.

– Слушай, а ты вообще давно тут живёшь?

– В каком смысле?

– В прямом. Сколько времени?

– Здесь нет времени, – ответил Гоша.

– Ну да, как же. Есть день, есть ночь, мы видим, как она подступает, – Санька повёл рукой вокруг. – Значит, есть.

– Это ничего не значит. День и ночь есть, а времени нет. Да и не день с ночью это, если разобраться.

– А что же?

– Так, имитация.

– Не понимаю.

– Я тоже, – сказал Гоша. – Но ты не переживай. Твое появление свидетельствует о том, что время появилось. Хотя бы на время. Хе-хе, а ничего так каламбурчик вышел, а?

Санька не ответил, он обдумывал слова ворона. Был в них какой-то, пока не слишком понятный, смысл. Место, где нет времени... Как это? Что такое время вообще? Течение секунд, минут и часов? Смена дня и ночи, времён года? Нет. Секунды, минуты и часы – это всего лишь единицы, в которых время измеряется. Их человек придумал для удобства. Взял сутки – полный оборот Земли вокруг своей оси – и разделил на двадцать четыре части. Отсюда и пошло, что в сутках двадцать четыре части-часа. Кажется, древние египтяне впервые эту систему ввели. От них, через греков и римлян к нам перешло. В школе, помнится, учитель рассказывал, что в разное время разные народы делили сутки на разное количество частей. В древней Индии – на тридцать. А у майя – на двадцать две. Что ещё учитель рассказывал о времени? Эх, жаль, интернета нет, не поуглишь.

Санька вспомнил учителя по природоведению. Валерий Игнатьевич. Молодой, тридцати ещё нет, наверное. Невысокого роста, белобрысый и уже начинающий лысеть. Пришёл в середине учебного года и сразу всем в классе понравился. Ладно, почти всем. Саньке понравился тоже. За умение рассказывать и равнодушие к делу. На уроках Валерия Игнатьевича было нескучно, хотя он и не всегда придерживался учебника. Могло и в сторону занести. Как с тем же временем. Но ведь интересно! Так что он говорил? Кажется, что сто миллионов лет назад в сутках было не двадцать четыре, а двадцать три часа. И дней в году больше трёхсот шестидесяти пяти. Потому что Земля вращалась быстрее и... Стоп.

Санька даже остановился, потрясенный мыслью, пришедшей ему в голову.

Сто миллионов лет назад Земля вращалась быстрее. А тринадцать лет назад Санька был маленьким зародышем внутри мамы. А через пять лет и четыре месяца он вырастет и станет совершеннолетним взрослым человеком. Говоря другими словами, Земля за миллионы лет, и он, Санька, за прошедшие годы меняются. И не только они – всё со временем меняется. Там, где было море – теперь суша. На месте леса – пустыня. И наоборот. Возводятся, растут, дряхлеют и разрушаются города. Целые народы и страны исчезают и появляются. Значит, время – это...

– Что случилось? – каркнул над ухом ворон. – Эй, всё нормально с тобой?

– Изменения, – сказал Санька.

– Что? Ты о чём, вообще?

– Я говорю, что время – это изменения, – Санька снова двинулся вперёд. Тропинка оставила лог позади и теперь снова вилась между мёртвых стволов, уводя в сгущающуюся впереди тьму. Впрочем, она точно так же густела по сторонам и сзади.

– Открыл Америку, – хмыкнул Гоша. – Количественное выражение происшедших изменений, если быть совсем точным. Сам не помню, откуда я это знаю. Погоди, ты что, сам только что до этого дотумкал?

– Сам.

– Философ, чего там, – сказал ворон. – Респект, уважуха и всё такое. В неполные тринадцать лет самостоятельно сформулировать одну из концепций времени – это круто. Ну, почти сформулировать, все-таки я помог, – закончил он самодовольно.

Надо прощать товарищам их маленькие слабости, подумал Санька. Особенно, если учесть, что других товарищей у меня здесь нет.

И тут же увидел избушку.

Деревья впереди расступились, и тропинка вывела их на поляну. Трава здесь тоже казалась какой-то неживой, не то, что там, на зелёной полосе с плотоядными цветами, которая осталась далеко позади. Здесь она была хоть и довольно густой, и высокой, но жухлой, ломкой, словно в ноябре.

Сама избушка, сложенная из толстых чёрных брёвен, с двускатной крышей, покрытой тёмно-серой дранкой (над крышей торчала неопределённого цвета труба), вросла в землю чуть ли не по самые оконца – маленькие, с покосившимися ставнями, затянутые какой-то мутной плёнкой, при взгляде на которую Санька немедленно вспомнил, что когда-то вместо стекол в окнах использовался бычий мочевого пузырь.

Крыльцо лепилось к избушке сбоку, справа, – туда, нырнув между двумя кольями полуразваленного тына (никаких ворот или калитки, колья покосились, верхние жерди большей частью валяются в траве), вела тропинка. Мимо низкого колодезного сруба с журавлём. Чуть дальше и правее виднелась скособоченная деревянная будка туалета.

Больше на поляне не было никаких строений – ни сарая, ни амбара.

Оглядываясь по сторонам и прислушиваясь, Санька подошёл к дому, поднялся на крыльцо (ступеньки противно скрипнули под его весом) и осторожно постучал в низкую, сбитую из грубых досок, дверь.

– Смелее, – посоветовал ворон.

Санька постучал сильнее. Сначала костяшками пальцев, затем кулаком.

Тишина.

– По-моему, никого нет дома, – сказал нерешительно.

– Так давай проверим, – предложил Гоша. – Чего ждёшь? Скоро совсем темно будет.

Ухватившись за деревянную ручку, Санька потянул на себя дверь. К его удивлению, она открылась довольно легко и совершенно бесшумно.

– Эй! – позвал Санька. – Тут есть кто-нибудь?

Никто не ответил. Всё та же тишина, и сгущающаяся темнота вокруг.

– Всё ясно, – сообщил Гоша. – Заходи – не бойся, выходи – не плачь.

Он снялся с Санькиного плеча и исчез внутри. Санька постоял ещё секунду и решительно шагнул через порог.

Сквозь затянутые мутной плёнкой окна (кажется, это действительно был бычий пузырь) проникало уже совсем мало угасающего света, и Саньке пришлось воспользоваться фонариком в смартфоне, чтобы оглядеться.

Обстановка внутри избушки хоть и была крайне скудной, но не казалась обветшавшей и заброшенной. Из узкой и длинной прихожей (в голове медленно, словно утонувший корабль из океанской бездны, всплыло полузабытое слово «сени») вело две двери – направо и налево. За правой Санька обнаружил комнатушку, часть которой занимали какие-то мешки и ящики. Также на полках стояла глиняная посуда (Санька тут же вспомнил кладовую в разрушенном городе-доме, где он нашёл баклагу), корзины, деревянные коробки и прочая утварь. Возле одной из стен до половины высоты были сложены дрова. Тут же, на нижней полке, лежал топор.

– Хозяйственное помещение, – сообщил Гоша, расхаживая по земляному, хорошо утрамбованному полу. – Или клеть, если по-старинному. Не спрашивай, откуда я это знаю. Жилая комната с другой стороны.

Он оказался прав. В жилой комнате был настлан дощатый пол (довольно чисто выметенный, кстати), имелась русская печь, какую Санька видел только в кино и на картинках, широкая лавка вдоль стены, крепкий стол у лавки, громадный, окованный железом, сундук в углу и пара табуреток. И здесь было теплее, чем в клети и, тем более, снаружи. Санька подошёл к печи, приложил ладонь к белёному боку. Так и есть, тёплый. Значит, печь недавно топили. Что в свою очередь означает, что здесь живут.

– Хоть бы пару свечей найти, – Санька обернулся, пошарил лучом фонарика по комнате. – Может, в сундуке? Или ещё раз в этой... как её... клети посмотреть? А то ведь батарея в смартфоне не вечная, сядет, если фонарик постоянно жечь.

– Так вот же плошка, – сказал Гоша, сидя на краю стола.

– Какая плошка? – Санька посветил на стол и увидел небольшую глиняную миску, наполненную чем-то весьма похожим на подсолнечное масло. В масле, свешиваясь через край, плавала веревка.

– Лампа! – каркнул нетерпеливо ворон. – Это лампа, масляная. Видишь верёвку? Фитиль. Подожди его, и будет свет. Что за молодежь пошла, элементарных вещей не знает.

– Ну извини, в девятнадцатом веке не жил. Да и в двадцатом тоже, – Санька снял со спины рюкзак, достал зажигалку и поджёг фитиль. Затеплился огонёк. Слабенький, но лучше, чем ничего. Санька выключил смартфон, сел на лавку. А ничего, даже уютно. Ещё бы поесть... В рюкзаке остались бутерброды, но их мало совсем. Н-да. Завтра надо что-то придумать насчёт еды, а то на голодный желудок маму не найти. Ну день, ну два. А дальше что?

– Причём здесь девятнадцатый век? – удивился ворон. – Элементарно же. Свеча на точно таких же принципах устроена. Только вместо жидкого масла – застывший стеарин, воск или парафин.

– Умный, да? – беззлобно осведомился Санька. Вот сейчас, сидя на этой лавке и глядя на тёплый огонёк, он понял, что устал. Всё-таки хорошо потопать сегодня пришлось. Ох, хорошо.

– Ага, – согласился Гоша. – Умный. И, как умный, я спрашиваю тебя прямо. Жрать хочешь?

– А то, – Санька проглотил набежавшую слюну. – Предлагаешь достать бутерброды?

– Предлагаю достать горшок с кашей из печи. Не чувствуешь запаха, разве? Я так чую. Кашей пахнет.

Санька поднялся, взял лампу-плошку со стола, подошёл к печи и заглянул в устье. Там, в глубине, накрытый тряпицей, стоял чугунок. Огонёк плошки отразился в его тусклом металлическом боку.

Санька чуть было не сказал Гоше: «Подержи», и не протянул ему плошку, но вовремя опомнился, поставил её на пол, ухватился за чугунок... и тут же одернул руки. Горячо!

– Ухват возьми, – посоветовал Гоша, восседая на столе. – Вон он, справа у печки.

В конце концов, Санька справился, и вскоре чугунок оказался на середине стола. Тряпица с него слетела, и по избе поплыл восхитительный запах гречневой каши.

– Мне в отдельную тарелку, пожалуйста, – сказал Гоша, нетерпеливо переступая с лапы на лапу. – И масло не забудь добавить. Бутыль в клети, я видел.

– Слушай, – сказал Санька, – тебе не кажется, что, прежде чем жрать чужую кашу, неплохо бы дождаться хозяев и спросить разрешения?

– Ага, – ответил ворон. – А если они до утра не вернуться? Или даже до завтрашнего вечера? Что ж теперь, каше пропадать, и нам с ней заодно? – он взлетел, заглянул в чугунок и снова опустил на стол. – Так он же полный, тут на всех хватит. Давай, накладывай, остынет.

Такой вкусной каши Санька в жизни не едал. Пахучая, горячая, рассыпчатая. Сам не заметил, как умял целую миску (нашлось и масло, и соль, и деревянная ложка). Не отставал и Гоша, чья миска поменьше вскоре тоже опустела.

– Добавки? – осведомился ворон, подобрав клювом остатки.

Санька заглянул в чугунок. Каши оставалось ещё минимум две трети, но он не знал, на какое количество народа было приготовлено.

– Хватит, – сказал решительно. Потом подумал, зачерпнул из котелка ещё ложку и отправил в рот.

– Эй, – воскликнул Гоша. – Нечестно!

– Держи, так и быть, – ложка снова отправилась в чугунок, а её содержимое – в миску ворона. – Вот теперь точно хватит.

Еду запили водой из баклаги. Накрытый тряпицей чугунок Санька отнёс туда, где взял – в устье печи. Потом нашёл кусок тряпки, прихватил свою и Гошину миски, баклагу, направился к двери.

– Ты куда? – осведомился ворон. – Ночь на дворе. И Неживой лес кругом.

– Посуду надо помыть. А то нехорошо получается – мало, что чужую кашу слопали, так ещё и посуду грязную бросили. И не совсем ещё ночь.

Санька оказался прав – в небе над избушкой остывали остатки дневного света. Его вполне хватило, чтобы помыть миски и долить воды в баклагу.

Он как раз затыкал её деревянной пробкой, когда Гоша, сидящий наверху колодезного журавля, встрепенулся и негромко сообщил:

– Внимание, кто-то идёт.

Санька поднял голову и прислушался. Тихо.

– Мне бояться? – спросил он негромко.

– Не знаю.

Санька оглянулся на избу. В густеющей, уже не вечерней, а ночной темноте, она почти слилась с тёмной массой леса позади неё. Только слабый огонёк масляной плошки с фитилём едва пробивался сквозь мутный бычий пузырь.

– Эй, кто там? – послышался голос в отдалении. – Отзовись, если добрый человек!

Голос был молодой, звонкий. Девичий.

– Мы здесь! – с облегчением крикнул в ответ Санька. – У колодца!

Он вытащил из кармана смартфон, включил, помахал.

– Вижу! – сообщил голос. – Иду на свет! Стой, где стоишь.

Глава четвертая

Я от девочки ушёл, я к бабушке пришёл

Её звали Настя. Полное имя – Анастасия. Совсем девчонка на вид, хотя и постарше Саньки. Лет четырнадцать. И ростом с Саньку. Худенькая, белокурая, с глазами такими пронзительно-голубыми, что смотрел бы в них и смотрел – как в летнее небо где-нибудь в Подмосковье. Она немедленно взвалила на Саньку вязанку хвороста, которую тащила на себе, и он подивился, как эта хрупкая девчонка доперла из леса такую тяжесть. Но вида, конечно, не показал – принёс в избу, свалил хворост у печки.

Цвет её глаз Санька рассмотрел, когда Настя достала с полок, поставила на стол и зажгла ещё две плошки, уселась напротив, подперла щёку кулаком и принялась откровенно разглядывать Саньку и Гошу.

Одета она была в тёмно-синий сарафан поверх серой рубахи с длинными рукавами. При входе в избу Настя переобулась – сменила лапти (самые настоящие, Санька впервые их увидел, но сразу узнал) на войлочные тапочки.

– Значит, Санька и Гоша, – весело повторила она.

– Ага, – подтвердил Санька и неожиданно понял, что улыбается до ушей невесть чему. Постарался придать лицу серьёзное деловое выражение, но губы так и норовили снова расплзтись в улыбку.

– Куда путь держите, Санька и Гоша?

– Мне нужно найти маму, – ответил Санька, и улыбка исчезла с его лица сама собой. – И отвести её к источнику жизни.

– Ого. Ну-ка, погоди... – она взяла плошку, подняла, всматриваясь в Саньку. – Вот как, значит. Тебя Хозяйка отметила.

– Отметила, – подтвердил Санька.

– Круто, – она опустила плошку на стол. – Судя по вымытым мискам, кашу вы нашли?

– Это было нетрудно, – сказал Гоша.

Настя легко соскочила с табуретки, достала из печи чугунок, наложила себе в миску каши, плеснула масла, размешала, попробовала:

– М-мм, вкусно. Но соли маловато. Ух, какая я голодная... – она неожиданно громко цыкнула зубом, хмыкнула, снова уселась за стол, придвинула солонку.

– Извини, что без спроса, – сказал Санька.

– Да не парься ты, – она обожгла Саньку взглядом и тут же опустила глаза. – Я не в обиде.

Настя, не торопясь, ела. Санька сидел напротив и старательно разглядывал горницу. Хотя на самом деле ему неотрывно хотелось разглядывать Настю. Время от времени их глаза, будто бы случайно, встречались, и тогда Санька чувствовал себя так, словно он летит на санках по крутому снежному спуску, и нет у этого спуска ни начала, ни конца.

– Ты бы растопил печку, что ли, – сказала Настя примерно после шестой ложки. – Чаю попьём. Хочешь чаю?

– Хочу, – признался Санька.

– Вот и растопи. Хворост – на растопку, а дрова в клетки возьми.

– Ага, я видел.

Санька в жизни не имел дело с русской печью, но справился, пожертвовав на розжиг половинкой листа формата А-4. Вскоре в печи гудел огонь, и по горнице поползло тепло. Своевременно, с учётом того, что после наступления ночи снаружи похолодало. Не так, чтобы замёрзнуть до костей, но ощутимо.

– Молодец, – похвалила Настя, одним взглядом оценив Санькины старания. – Только вон ту заслонку наверху чуток задвинь. Ага, правильно. Осталось за водой сходить.

Санька принёс от колодца воды в ведре. Налил в медный чайник, поставил чайник на печь. Ему нравилось помогать Насте, нравилось делать всю эту простую работу. И дело было не в том, что таким образом он словно бы расплачивался за съеденную кашу и предстоящий ночлег (Санька не сомневался, что они с Гошей останутся тут ночевать – ворон так и вовсе уже спал, найдя себе удобное место на одной из полок). Вернее, не только в этом. Просто он чувствовал, что Насте его помощь приятна. И поэтому готов был помогать снова и снова. Печку растопить, воду принести... Пока Санька всё это делал, она улыбнулась ему целых три раза! Три бесценные улыбки за сущие пустяки. Смешно говорить. Что ещё нужно сделать, может, починить тын? Жаль, темно уже, а то взялся бы прямо сейчас.

Потом они пили чай, заваренный на разных травах, болтали о том, о сём, и Саньке было так хорошо, что он ни разу не вспомнил, зачем сюда пришёл.

Он и утром не вспомнил.

Спал на широкой лавке, укрывшись тулупом, на рукодельной подушке, набитой пахучим сеном. Снов не видел. Проснулся с первым светом, просочившимся в окна, вскочил, сбегал в туалет, умылся у колодца ледяной водой. Небо над головой постепенно наливалось ясным жемчугом, меж чёрных стволов деревьев Мёртвого леса плавали белые слои тумана, на ломкой сухой траве обильно повисли капли росы. Начинался новый день, и Санька чувствовал себя прекрасно отдохнувшим и готовым к новым подвигам. Что он вчера хотел сделать? А! Починить тын. Всё верно, вот сразу после завтрака и возьмётся.

Санька вернулся в избу и в дверях столкнулся с Настей. Отступил в сторону, пропуская.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.